

за
ПК
пол
J

Пимофѣй Петровичъ

Пимосфеевскій.

1852—1902 гг.

Тимощѣй Петровичъ
Тимощеевскій.

1852—1902 гг.

НОВГОРОДЪ,
Губернская Типографія.
1903.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 30 декабря 1902 года.

Мамонтовъ Мамонтовъ
Мамонтовъ

Доставлено цензурою. С.-Петербургъ, 30 декабря 1902 года.

Лиццо Тимофей Степовъ
Тимофеевичъ.

Отъ плоды ихъ познаете ихъ, егда
объемлютъ отъ тернія грозды или отъ
репня смоввы. (Матф. гл. 7 ст. 16).

Тимофѣй Петровичъ Тимофеевскій родился 21-го февраля 1833-го года въ погостѣ ап. Тимофѣя, Судогодскаго уѣзда Владимирской губ. Отецъ его былъ дьячекъ церкви ап. Тимофѣя. Звали его Петръ Прохорычъ. Кромѣ Тимофѣя Петровича у него былъ еще сынъ Иванъ, лѣтъ на 6 старше Тимофѣя. Жили они бѣдно, въ небольшой избенкѣ; приходъ былъ небольшой и доходовъ на долю псаломщика приходилось иной разъ рубля по два въ мѣсяцъ, но семья жила дружно, всѣ работали и, благодаря неустаннымъ трудамъ, кое-какъ перебивались. Звали въ то время они не Тимофеевскими, а Орловыми.

Фамилію „Тимофеевскіе“ получила эта семья такимъ образомъ: въ 1836 г. Тимофеевскій погостъ посѣтилъ Архіепископъ Парфеній; вмѣстѣ съ архіереемъ прибылъ тогдашній ректоръ Владимирскаго духовнаго училища протоіерей от. Іоаннъ Остроумовъ. Замѣтивъ маленькаго Ивана Орлова и поговоривъ съ нимъ, онъ пообѣщалъ назвать его, когда тотъ поступитъ въ училище, Тимофеевскимъ на память о погостѣ, гдѣ родился и выросъ Иванъ Петровичъ. Дѣйствительно, при поступленіи Ивана въ училище между отцемъ его и ректоромъ произошелъ слѣдующій разговоръ, который мы цѣликомъ приводимъ изъ семейной хроники Тимофеевскихъ, написанной от. Евфиміемъ Тимофеевскимъ, священникомъ Мало-Архангельской станицы Кубанской волости.

Читая метрическую выписъ о рожденіи и крещеніи Ивана, ректоръ спросилъ отца:

— Орловъ?

Орловъ.

— А ты (къ Ивану) съѣлъ мою конфекту?

Съѣлъ.

— Хороша?

Хороша, отвѣтилъ Иванъ.

— А ну-ка, посмотримъ, хорошо ли ты читаешь и пишешь.

Иванъ ободрился отъ простоты и ласки обращенія ректора и прочиталъ въ раскрытой псалтири строчекъ десять бойко и безошибочно.

— Молодецъ! не пропала моя конфекта.

Ректоръ усадилъ Ивана за свой письменный столъ, подложилъ ему тетрадку, далъ перо и сказалъ:

— Пиши, Ваня.

Что писать? спросилъ Ваня.

— Пиши, что скажу. Пиши: иже, вѣди, азъ, нашъ, ерь.

Иванъ крупно написалъ пять буквъ, растянувши ихъ на цѣлую страницу впоперекъ.

— Читай, что написалъ?

„Иванъ“, стало.

— Пиши съ новой строки: твердо, иже, мыслете, онъ, фертъ, есть, еще есть, пиши: вѣди, слово, како, i-кратко, иже съ кавычкой. Стой, клади перо, читай!

Иванъ положилъ перо и прочиталъ:

„Тимофеевскій“

— Ну вотъ, обратился ректоръ къ отцу, я хочу записать его Тимофеевскимъ, прими это слово къ его имени и памяти навсегда.

Почемъ знать?.. быть можетъ этотъ твой орленокъ будетъ учиться хорошо выйдетъ въ порядочные люди, почуветь предъ собой просторъ, ширь русской земли и занесется отъ родного своего погоста далеко-далеко, а онъ, погость вашъ, такъ малъ, такъ убогъ и такъ невзраченъ въ вашихъ лѣсахъ...

Онъ потомъ можетъ забыть и думать о своей родинѣ, о своей поилицѣ и кормилицѣ, о своей жизнедаровательницѣ, что очень часто и случается между людьми, жаждущими орлинаго простора жизни. Такъ пусть будетъ онъ Тимофеевскій. Такъ ли? Согласенъ?— „Согласенъ“, отвѣчалъ отецъ.

И вотъ тутъ-то фамилія наша впервые официально была вписана въ пріемный училищный списокъ.

Послѣ этого и младшіе братья Ивана стали прозываться Тимофеевскими.

Въ училище Тимофѣй Петровичъ поступилъ въ 1842 году. Ефимъ Петровичъ, братъ его, авторъ хроники, такъ описываетъ отправленіе туда:

Мнѣ было три года и шелъ четвертый въ то лѣто, послѣ котораго необходимо было вести и отдать моего брата и няньку—Тимофѣя Петровича въ школу. Лѣто прошло. Въ 31 день августа утромъ повозка была уже запряжена парой коней. Въ нее укладывали мѣшокъ съ крупой, большой мѣшокъ съ коровьимъ масломъ, мѣшокъ съ лепешками. Мать туда же совала отборную морковь, сочную рѣпу, руно гороха съ зелеными стручками, двѣ-три головки съ подсолнухами... Это дорогой погрызутъ ребята, все же забава имъ, твердила мать, укладывая все добро по разнымъ угламъ повозки.

Я всѣмъ твердилъ одно—одинъ вопросъ: и я ѣду съ Тимофѣемъ? и я?

— И ты, и ты, отвѣчали мнѣ всѣ: и отецъ, и мать, и братъ Иванъ; молчалъ и сквозь слезы смотрѣлъ на меня только одинъ братъ Тимофѣй. Я былъ покоенъ и веселъ. Старшій братъ Иванъ, залѣзая первымъ на повозку, сказалъ мнѣ:

— Бѣги на задній дворъ въ мастерскую дѣдушки. Онъ тамъ. Скажи ему, что мы ѣдемъ. Онъ хотѣлъ съ нами проститься. Бѣги!

Я побѣжалъ, нашелъ въ мастерской дѣда и сказалъ ему, зачѣмъ былъ посланъ.

Э, голубчикъ, отвѣчалъ дѣдъ, я же съ ними прощался еще ранымъ-рано по утру, когда ты спалъ, а теперь знаешь что? они уже всѣ уѣхали.

— Какъ! завопилъ я.

Бросился во дворъ. Ворота затворены, повозки, лошадей нѣтъ, людей никого. Съ величайшимъ плачемъ я бросился обратно чрезъ задній дворъ и прямой тропинкой къ переходамъ, думая перерѣзать путь нашимъ путникамъ. Вотъ и повозка, вотъ и кони, вонъ и три сѣдока ѣдутъ шагомъ по той сторонѣ

рѣки. Перегону, думаю, умолю, упрошу, они возьмутъ и меня съ Тимоней... А самъ оралъ, конечно, во все горло. Этотъ то крикъ и выдалъ мои намѣренія.

Отецъ, понявши дѣло, ударилъ по лошадямъ, сытые лошади понесли, повозка быстро поднялась на такъ называемое „Высоково“ и скрылась за горой.

Въ училищѣ Тимофѣй Петровичъ пробылъ 8 лѣтъ. Тяжело давалось ему ученіе; его живая натура не мирилась съ схоластическимъ методомъ преподаванія, царствовавшимъ въ школахъ. Единственно свѣтлыми промежутками были каникулы и праздники, которые проводились дома. Каждый разъ пѣшкомъ, то въ суровые морозы, то въ весеннюю распутицу пробирался нашъ школяръ за 60 в. отъ Владимира въ свой погость и тутъ отдыхалъ душой въ родной семьѣ, за крестьянской работой: пахотой, сѣнокосомъ, уборкой хлѣба.

Такъ было дѣло до 1850 года; тутъ Тимофѣй Петровичъ, какъ говоритъ хроника, „лукаво и оригинально улизнулъ изъ училища“.

Дѣло было такъ: отецъ оставилъ брату Ивану Петровичу строгій наказъ, чтобы тотъ усиленно искалъ и просилъ себѣ мѣсто священника или діакона и ему же вручилъ листъ бумаги съ своимъ подписомъ въ концѣ первой страницы съ тѣмъ, чтобы братъ Иванъ выше подписи написалъ прошеніе ректору духовнаго училища, отъ имени отца, о выдачѣ намъ ежегоднаго денежнаго пособія на наше содержаніе въ училищѣ.

Отецъ уѣхалъ. Братъ Иванъ спряталъ роковой листъ въ одинъ изъ учебниковъ брата Тимофѣя и забылъ про него. Но не забылъ воспользоваться этимъ листомъ мой Тимоня. Онъ пишетъ на немъ отъ имени отца, прошеніе ректору объ увольнении его Тимофѣя Тимофеевскаго изъ училища, по крайнему недостатку средствъ у отца къ содержанію насъ при школѣ, и проситъ отъ того же отцовскаго имени о выдачѣ сыну Тимофѣю увольнительнаго свидѣтельства.

Въ одинъ день утромъ, съ такимъ прошеніемъ, нашъ Тимофѣй Петровичъ является къ ректору. Къ счастью нашего лукаваго просителя, ректоръ былъ въ самомъ веселомъ и благодушномъ настроеніи къ тому же онъ и зналъ Тимофѣя Петровича, какъ замысловатаго и очень забавнаго парня. Ректоръ прочиталъ прошеніе, добродушно улыбнулся и спросилъ брата: „какое же дать тебѣ свидѣтельство, черное или бѣлое?“

Братъ отвѣтилъ: „Какъ видите, я самъ черноволосый и грязенькій,—дайте же мнѣ хоть свидѣтельство бѣлое, а не черное.“

Ректоръ черкнулъ записку письмоводителю и инспектору, тѣ написали брату „бѣлое свидѣтельство“, въ которомъ и успѣхи, и поведеніе и прилежаніе брата обрисовывались въ очень удовлетворительномъ видѣ; написали и подписали, подписалъ и самъ ректоръ, скрѣпивши документъ училищною печатью. Все это обработалось въ одинъ день, да еще и раньше полудня. Ни я, ни братъ Иванъ объ увольнении Тимофѣя нашего изъ училища ничего не знали; въ такомъ же невѣдѣніи оставались и его учителя I-й синтаксими. На другой день братъ Тимофѣй исчезъ, на третій и на четвертый его не было ни въ школѣ, ни на квартирѣ. Прошла недѣля, прошло двѣ—Тимофѣя нѣтъ. Братъ Иванъ Петровичъ ходилъ, понуривши голову. Я плакалъ объ исчезнувшемъ братѣ, во снѣ мнѣ представлялся мой Тимоня то утонувшимъ въ волнахъ рѣки, то съѣденнымъ волками, то погибшимъ подъ развалинами горѣвшаго дома, то веселымъ, то плачущимъ. Отцу братъ Иванъ ничего не писалъ: боялся. Шла сентябрьско-рождественская треть нашего учебнаго года.

Обычно спустя недѣлю послѣ Покрова Пресвятыя Богородицы, отецъ прїѣзжалъ къ намъ въ городъ провѣдать насъ и подбавить намъ харчей—крупы, муки, масла и проч., а въ этотъ годъ онъ прїѣхалъ на цѣлую недѣлю раньше. Братъ Иванъ переполошился, перепугался и поблѣднѣлъ, увидѣвши отца во дворѣ квартиры; но все же вышелъ къ нему, я бѣжалъ за нимъ.

„Здорово ребята“, сказалъ отецъ, „а гдѣ же Тимофѣй?“

Братъ молчалъ, я тоже.

„Что молчите? Вопросъ мой, кажется, не такъ мудренъ, чтобы не отвѣтить на него“, говорилъ отецъ. Братъ продолжалъ упорно молчать, но я не выдержалъ и съ плачемъ отвѣчалъ:

— Тимоня нашъ пропадомъ пропалъ, его вотъ уже три съ половиной недѣли нѣтъ у насъ ни въ квартирѣ, ни въ школѣ, ни въ городѣ, и братъ искалъ, и я искалъ, а его нѣтъ и нѣтъ.“

„Не плачь, Яска“, утирая съ моего лица слезы, сказалъ отецъ. Тимоня нашъ не пропалъ, онъ опредѣлился на время штатнымъ послушникомъ въ Васильевскій Суздальскій монастырь, чтобы тамъ выдѣлать изъ себя хорошаго дьячка и... хорошо сдѣлалъ; я ѣду къ нему отселъ, чтобы благословить его на новомъ пути жизни.“

Оказалось, что на другой день по полученіи свидѣтельства отъ ректора училища о своемъ увольненіи нашъ Тимофѣй Петровичъ явился съ просьбой къ Епископу Іустину, въ которой писалъ, что для изученія предметовъ дьяческой должности, какъ то: церковнаго устава и нотнаго годового круга церковныхъ пѣснопѣній,—онъ, Тимофеевскій, просится опредѣлить его на годъ въ Васильевскій (въ гор. Суздаль) монастырь штатнымъ послушникомъ. Архіерей положилъ такую резолюцію: „Настоятелю монастыря: примите просителя и въ томъ случаѣ, если бы въ монастырѣ и не было мѣста штатнаго послушника.“

Братъ хорошо понялъ смыслъ епископской резолюціи, а потому прямо и смѣло направился въ монастырь; тамъ онъ былъ принятъ и оттуда написалъ отцу помимо брата Ивана.

Въ монастырѣ Тимофѣй Петровичъ пробылъ немного менѣе года и въ 1852 г. 21 мая былъ опредѣленъ въ село Жерехово Владимирской губерніи и уѣзда, въ самый бѣдный приходъ во всей Владимирской губерніи.*)

Передъ своимъ опредѣленіемъ на службу онъ женился на дочери умершаго дьячка села Жерехова, Ивана Радонежскаго—Елизаветѣ Ивановнѣ Радонежской. На попеченіи молодого псаломщика внезапно оказались вдова теща, трое братьевъ жены, учившіеся въ учебныхъ заведеніяхъ и малолѣтняя сестра. Всѣхъ долженъ онъ былъ поить, кормить, одѣвать и выводить въ люди. Какъ ни тяжелы были первые шаги на самостоятельномъ поприщѣ, Тимофѣй Петровичъ не палъ духомъ и сумѣлъ справиться съ своей задачей. Изъ ничтожныхъ дьяческихъ доходовъ онъ нашелъ возможность удѣлять помощь осиротѣлой семьѣ. Лишенія его не пропали даромъ. Всѣ сироты были воспитаны и пристроены на мѣста.

Съ самаго поступленія на должность съ 1852 года Тимофѣй Петровичъ началъ собирать крестьянскихъ мальчиковъ и обучать ихъ грамотѣ, письму и цыфири, за небольшую плату. Дѣло пошло въ ходъ; желающихъ нашлось много и съ тѣхъ поръ 50 лѣтъ безъ перерыва онъ находился на посту народнаго учителя.

*) Въ 1893 году годовой доходъ равнялся 360 руб., что же было въ 1852 г.?

Въ училищѣ Тимофѣя Петровича обучались кромѣ дѣтей крестьянъ села Жерехова еще дѣти государственныхъ крестьянъ деревень Добрынина, Шелудякова, Яковлева; въ виду чего управленіе государственныхъ имуществъ Владимирской губерніи, найдя полезными его труды, выдавало ему единовременныя пособія. При помощи этихъ то средствъ и вознагражденія получаемого имъ за исправленіе обязанностей писаря и разсылнаго при неграмотномъ бурмистрѣ вотчины князей Оболенскихъ, Тимофѣй Петровичъ воспитывалъ оставшихся на его попеченіи сиротъ Радонежскихъ.

Первоначально училище помѣщалось въ той же избѣ, гдѣ жилъ самъ Тимофѣй Петровичъ съ семьей, и могло вмѣщать въ себѣ не болѣе 10-ти, 15-ти человѣкъ учениковъ. Въ виду большого числа желающихъ учиться къ концу 50 годовъ онъ выстроилъ болѣе обширную избу, гдѣ могло помѣщаться уже около 40 учениковъ, хотя и въ большой тѣснотѣ.

Въ 1868 году, съ открытіемъ земства, Тимофѣй Петровичъ былъ назначенъ земскимъ народнымъ учителемъ.

Черезъ два года въ училищѣ снова стало тѣсно, но по просьбѣ Тимофѣя Петровича Ставрова купецъ г. Бусуринъ выстроилъ помѣщеніе для школы, которое могло вмѣщать уже до 70 человѣкъ.

Переполненію школы Жереховскаго дьячка много способствовало помимо малаго количества школъ въ то время, еще и то обстоятельство, что Тимофѣй Петровичъ обучалъ грамотѣ очень быстро, такъ какъ весьма недолго пользовался практиковавшимся тогда методомъ обученія грамотѣ по складамъ, а употреблялъ свой, напоминающій современный звуковой, дававшій ему возможность выучивать читать въ одну зиму, а не въ четыре, пять лѣтъ, какъ было обыкновенно въ ту эпоху.

Выдающимся событіемъ въ жизни Тимофѣя Петровича было построеніе имъ церкви въ селѣ Жереховѣ. Приведемъ рассказъ Тимофѣя Петровича объ этой постройкѣ, какъ онъ напечатанъ предсѣдателемъ Владимирскаго Училищнаго Совѣта въ журналѣ Странникъ. (См. Странникъ 1873 года, іюнь.)

Въ 1869 году, по обязанности Предсѣдателя Владимирскаго Училищнаго Совѣта, я прибылъ въ село Жерехово Влад. губ., для обозрѣнія тамошняго училища. Училище это помѣщено въ бѣдной хатѣ причетника. Двадцать слишкомъ мальчиковъ и до шести дѣвочекъ, голосившіе свои „заучки“, вдругъ замолкли при моемъ появленіи. Часа черезъ два я кончилъ свою ревизію и пожелалъ посмотреть приходскую церковь, но священника не было дома, а безъ него не нашли и ключей церковныхъ.

„Жаль“, сказалъ мнѣ причетникъ—учитель мальчиковъ „а я показалъ бы вамъ и мою церковь.“

— Что значитъ „мою“? спросилъ я.

„То, что она построена моими трудами, хлопотами и большею частью на мои средства.“

— Какъ это? спросилъ я съ удивленіемъ. Вѣдь для постройки церкви, причетникъ каменной, нужно немало денегъ; гдѣ же ты взялъ ихъ?

„Пока кормятъ лошадокъ“ отвѣчалъ онъ, „я вамъ расскажу все отъ начала до конца. Тайну цареву храни, а дѣла Божія не утаивай, сказано въ писаніи.“

— Расскажи-ка, другъ мой, исторію построенія твоего храма: я съ удовольствіемъ послушаю.

„Со мною приключилась болѣзнь, не знаю какая,“ такъ началъ разсказъ свой причетникъ, „болѣзнь столь жестокая, что жизнь моя висѣла на волоскѣ. Меня приобщили Святыхъ Таинъ, особоровали и уже готовили къ смерти. А я между тѣмъ въ сонномъ видѣніи видѣлъ двоихъ монаховъ, которые сказали мнѣ: „У тебя нѣтъ иконы Божіей Матери, именуемой Боголюбивою. Обѣщайся имѣть ее и ты подымешься отъ болѣзни“. Сказали и стали невидимы. Я сказалъ объ этомъ женѣ своей, и мы положили купить икону, только бы оправиться мнѣ отъ болѣзни.

Черезъ нѣсколько дней я выздоровѣлъ, такъ что могъ уже ходить и заниматься своимъ маленькимъ хозяйствомъ, и не замедлилъ съ женою отправиться на богомолье въ Боголюбовскій монастырь. Здѣсь помолились предъ чудотворной иконой Божіей Матери при служеніи молебна и отправились домой черезъ Владимиръ, гдѣ отыскали иконописца и упросили его за условленное вознагражденіе написать икону Божіей Матери, подобную той, какая въ монастырѣ.

Когда написана была святая икона, я привезъ ее домой и рѣшился пожертвовать ее въ храмъ. Священникъ принялъ мою посильную жертву и сказалъ: а вотъ у насъ теплая церковь и темна, и холодна. Вотъ, еслибы кто нибудь построилъ намъ просторную и теплую, на мѣстѣ совершенно излишней часовни. (Гдѣ теперь храмъ, тутъ стояла тогда часовня каменная). Богъ невидимо, продолжалъ онъ, наградила бы строителя дома Божія.

Я смолчалъ; но, видно, искра Божія заронила въ мое сердце. Что ни дѣлаю, а дума не оставляетъ меня: какъ бы построить теплый храмъ на мѣстѣ часовни? Но съ чего начать?—Лучше всего съ приготовленія кирпичей.

Помолясь передъ святою иконою въ храмѣ и не сказавъ никому ни слова даже женѣ своей, я началъ дѣлать свои кирпичи, съ мыслью: если не пригодятся для церкви, то пригодятся для дома.

Десять лѣтъ я приготовлялъ кирпичи и надѣлалъ ихъ тысячъ до сорока. Спросивъ добрыхъ людей, какъ надо ихъ обжигать, я сдѣлалъ запасъ, потребный для этого, дровъ и обжегъ мои кирпичи. Начало сдѣлано. Слава Богу, думаю про себя, теперь полшеркви готово! Нужно заготовить известки.

Въ Москвѣ продалъ я за 120 р. молодую доморощенную лошадку да пчель 50 чурокъ, и на эти деньги купилъ пудовъ около 500 извести и изготовилъ мѣстныя иконы для иконостаса будущаго храма, размѣромъ такіе же какъ и икона Божіей Матери.

Теперь весь народъ узналъ, что я затѣваю. Судятъ всякъ по своему. Кто хвалитъ меня, кто бранитъ, кто смѣется надо мною, кто считаетъ богачемъ. Говорили, что я кладъ нашель, поживился чужимъ добромъ и за это Богъ не потерпитъ мнѣ. Но я свое дѣло дѣлалъ: случатся деньженки (доходцу ли церковнаго придетъ на мою дьячковскую долю, овсеца ли продамъ), куплю то досокъ, то бревенъ для храма. Такимъ образомъ, исподволь, понемногу, не сторяча, по цѣнѣ самой умѣренной, я все заготовлялъ и, при помощи Божіей, заготовилъ. Теперь настала пора приняться за работу другого рода, самую трудную и тяжелую для меня, бѣднаго человѣка: нужно было выхлопотать фасадъ предполагаемаго къ построению храма.

Начались частыя и, большей частію, неудачныя поѣздки въ г. Владимиръ. Наконецъ фасадъ полученъ, хотя и съ большими трудами. Съ терпѣніемъ можно получить все, Господу содѣйствующу.

Затѣмъ, помолясь съ особеннымъ усердіемъ Божіей Матери, я написалъ прошеніе Его Преосвященству.

Божіимъ внушеніемъ, давно родилась у меня мысль, построить въ селѣ нашемъ помѣстительный, теплый храмъ, на рубежѣ церковной ограды, гдѣ теперь находится часовня. Хотя и есть у насъ церковь для богослуженія зимой, но она тѣсна, имѣетъ сводъ высоко поднятый и потому, холодна. Къ такому трудному для моихъ средствъ и высокому для моего званія предпріятію приготовлялся я съ давняго времени. По соображенію моему, матеріаловъ для построения храма имѣется въ настоящее время, въ готовности довольно. Прошу, Высокопреосвященнѣйшій, благословить начать построение храма, по представляемому при семъ фасаду, составленному г. архитекторомъ.

Вслѣдствіе прошенія сего, истребовано отъ благочиннаго свѣдѣніе: есть ли потребность въ храмѣ, мною къ построению испрашиваемомъ, и имѣю ли я средства привести въ исполненіе предполагаемое святое дѣло? Благочинный не сдѣлалъ остановки въ ходѣ моего дѣла, далъ свидѣтельство, что храмъ проектируемый мною, весьма нуженъ, и что можно надѣяться, я приведу къ концу построение.

Изъ консисторіи планъ препровожденъ былъ въ губернское правленіе въ строительное отдѣленіе, въ строительное присутствіе техниковъ для разсмотрѣнія.

Отсюда сообщено было въ консисторію, что построение храма по представленному плану не исполнимо и разрѣшено быть не можетъ. Я представилъ новый планъ, который, благодареніе Богу, былъ одобренъ.

Вотъ уже и указъ о построеніи храма въ консисторіи изготовленъ для отправленія къ благочинному, къ которому, какъ мнѣ сказано тамъ, уже и отосланъ. Оставалось мнѣ назначить день закладки храма и пригласить о. благочиннаго и народъ для этого торжества. Назначено было 18 мая. Въ село собралось народу многое множество. Многіе пришли съ деньгами, чтобы сдѣлать пожертвованіе на дѣло богоугодное. Рублей болѣе 50 надавали старостѣ, ходившему съ блюдечкомъ. Прибылъ и о. благочинный.

— „Дай-ка указъ“, сказалъ онъ мнѣ.

— „Указъ у васъ“, отвѣчалъ я, „его къ вамъ послали“.

— „Я не получалъ его. Я думалъ, что ты получилъ его и привезъ съ собою“.

— „Я не могъ получить его: меня увѣрили, что къ вамъ уже отосланъ указъ“.

Благочинный улыбнулся, я тоже, сквозь слезы. Но приступить къ дѣлу, для котораго было собраніе, безъ указа было нельзя. Что мнѣ было дѣлать? Градомъ покатались изъ глазъ моихъ слезы. Но вѣрно Богъ услышалъ мой вопль и избавилъ отъ нужды душу мою путями неисповѣдимыми. Одинъ крестьянинъ началъ ошибкою копать ровъ не тамъ, гдѣ слѣдовало, и, ступивъ какъ-то неосторожно въ немного углубленное мѣсто, проворно вынулъ ногу изъ провала и увидѣлъ на дырявомъ своемъ лаптѣ золотистый, значительной величины ключъ.

Собравшіеся на закладку храма столпились и съ любопытствомъ смотрѣли на находку. Подошли и мы съ о. благочиннымъ. Онъ сказалъ, что это ключъ не простой, а какой то камергерскій и толковалъ народу что-то мудрено, трудно понять. Держа въ умѣ одну думу: какъ бы найти случай распустить народъ и не подать повода къ нареканію, о. благочинный воспользовался находкой ключа и сказалъ: „Православные! честь вамъ дѣлаетъ великую то, что вы собрались сюда во множествѣ, для присутствія при начатіи, съ моленіемъ Господу Богу

построения дома Божія. Но не посѣтуйте, если я объявлю вамъ, что моленіе при начинаніи храма и самое начало работъ непремѣнно должны быть отложены до другого времени. Вы сами видите, найдена здѣсь, при копаніи стѣны для будущаго храма, вещь дорогая. Мы не знаемъ цѣны этого ключа. Можетъ быть это древность какая, указывающая на особенное значеніе самаго мѣста, гдѣ находился доселѣ этотъ ключъ. Но вамъ достовѣрно извѣстно, что правительство наше очень дорожитъ всѣмъ, что носитъ несомнѣнные признаки старины. Я рѣшаюсь и надѣюсь, что и вы найдете мое рѣшеніе правильнымъ: рѣшилъ отложить на нѣкоторое время то, для чего мы всѣ сюда собрались. Нужно довести до свѣдѣнія начальства о находкѣ, прежде чѣмъ начнемъ копать рвы и положимъ начало работамъ. Этимъ мы оградимъ себя отъ всякихъ, могущихъ встрѣтиться насъ, обвиненій, въ уничтоженіи истинной или мнимой старины. Я постараюсь, чтобы только нѣсколько дней прошло и начались наши работы по построению храма Божія. Итакъ прошу васъ всѣхъ, православные, разоитись по домамъ своимъ для своихъ дѣлъ. Начали расходиться, и скоро всѣ разошлись до новаго приглашенія.

Этимъ обстоятельствомъ, совершенно неожиданнымъ, Богъ вывелъ меня изъ затрудненія, въ какое поставили люди добрые невысылкой указа.

Да, Богъ мнѣ помогъ! Подаянія, собранныя 18 мая, безъ сомнѣнія были прибавкою къ моимъ маленькимъ средствамъ для построения храма, а когда вновь собрался народъ на торжество начала построения, тоже пришли люди не съ пустыми руками. Приносили и деньги, и холстъ, кто находилъ что возможнымъ для себя.

Что же было съ найденнымъ ключемъ? О. благочинный донесъ о ключѣ. Губернское начальство, по этому случаю, отправило г. Тихонравова, изыскателя древностей по Владимирской губерніи, для осмотра мѣстности. Нѣтъ ли на ней еще какихъ древностей и рѣдкостей.

Г. Тихонравовъ возвратился во Владимиръ и донесъ, что кромѣ ключа никакихъ древностей не найдено въ селѣ Жереховѣ. Ключъ намъ возвратили и онъ хранится теперь въ церковной ризницѣ.

Ни величина храма, требовавшая большихъ издержекъ, ни другое что не страшило меня. Я, самъ не знаю почему, былъ увѣренъ, что хоть съ затрудненіями, но все-таки придетъ конецъ. Я такъ въ этомъ былъ увѣренъ, что уже заготавливалъ иконостасъ. Едва началъ я заготавливать кирпичи, въ то же почти время договорился въ цѣнѣ съ иконописцемъ, за написаніе иконъ въ одинаковомъ размѣрѣ съ первою. Какъ скоро получилъ я отъ пастыря благословеніе на построение храма, крестьянинъ, знающій столярное дѣло, уже началъ работать иконостасъ. Трудъ этого человѣка былъ безмездный, жертва Богу пріятная!

Наконецъ 22 мая приступлено было къ закладкѣ храма. Народъ по прежнему собрался во множествѣ. Прибылъ и о. благочинный. Мнѣ хотѣлось, какъ можно скорѣе, выполнить каменную кладку. Время было у сельскаго народа почти гулевое: яровое засѣяно, а сѣнокосъ еще далеко. Мастеровые всякаго рода, чтобы заработать хоть что-нибудь въ это время, работали для меня едва на хлѣбъ себѣ. Для моего малоденежья или вѣрнѣе безденежья это время было золотое. Малыхъ дѣтей мнѣ дали крестьяне для ношенія песку, который за полверсты я возилъ самъ; подростковъ для ношенія воды... Каменщики только растворяли известку и клали кирпичи на стѣны. Желающіе хоть чѣмъ-нибудь

участвовать въ сооруженіи святаго храма, не имѣя денегъ для подаянія, таскали кирпичи и дѣлали все, что сумѣли, смогли. Послѣ закладки работа моя стала расти не по днямъ, а по часамъ. Кто бывало ни пройдетъ, всякъ подивится: откуда нашъ Петровичъ деньги беретъ. Собрать на построение храма не собираетъ, а въ долгу не состоитъ. Посмотрятъ люди добрые, подивятся и скажутъ иные: „Богъ подаетъ!“ другіе: „Видно, кладъ откопалъ“. Я прослылъ богачемъ, и точно я былъ богатъ, но не деньгами, а милостью ко мнѣ Божіею въ моемъ предпріятіи.

Стѣна поднялась уже высоко. Но вотъ бѣда: известка почти вся вышла. Гдѣ взять? Пудовъ 50 далъ одинъ благодѣтель, но далъ то, что у самаго, какъ говорится, съ рукъ не шло. Я впрочемъ и этому былъ радъ. Я во Владимирѣ. Здѣсь цѣна этому матеріалу горячая, высокая, не по моимъ средствамъ. Я въ село Картмазово, гдѣ вынимается изъ земли известковый камень и пережигается въ известъ. Тутъ купилъ я этого матеріалу 75 пудовъ по очень дешевой цѣнѣ. Но его стало не надолго, а денегъ нѣтъ. Остановить работу не хочется. Думаю и ничего не придумаю. Ночи не спятся. Молюсь Богу, усердно молюсь, и онъ услышалъ молитву мою. Нужно было сдѣлать творило для смачиванія извести. Выбравъ новое мѣсто, стали копать, сняли верхній пластъ земли, и что же оказалось? Попали на какое-то творило съ известью, неизвѣстно кѣмъ и когда заготовленное, сажени три въ длину, двѣ въ ширину и въ аршинъ глубиною. Известъ первый сортъ! Не Божія ли это милость? Не явное ли чудо? Известъ кѣмъ-то была куплена, привезена сюда, растворена, но не употреблена въ дѣло и засыпана землею, какъ ненужная; никто объ ней не зналъ, и я попалъ на нее совершенно случайно и не прежде, не послѣ, а именно тогда, когда крайне въ ней нуждался; попалъ послѣ усердной молитвы Господу Богу и Пресвятой Богородицѣ.

Но вотъ и кирпичиковъ моихъ осталось немного клѣточекъ, а дѣльца каменнаго еще довольно. Денегъ для кирпича нѣтъ. Просить займы не хочется, да и не у кого. Думу думаю не малую и не легкую; но вдругъ помощь, откуда я и не ожидалъ. Не задолго до сего времени упалъ отъ ветхости каменный барскій сарай. Я къ управляющему, и купилъ весь сарай почти даромъ. Очистить кирпичъ мнѣ ничего не стоило: сдѣлали это усердствующіе. Теперь, по милости Божіей, кирпичъ и известка у меня въ изобиліи. Мало того въ стѣнахъ разваливагося сарая, купленнаго мною, нашлось и желѣза въ достаточномъ количествѣ на всѣ мои потребности.

Надъ выполненіемъ плана я самъ наблюдалъ со всею строгостью, и благодареніе Богу, все выполнено было по плану. Осталось теперь расчитаться съ рабочими, но чѣмъ расчитаться? У меня денегъ нѣтъ ни копейки. Продать нечего: коровы и овечки давно со двора спущены за денежки. Вся надежда была на осень: продать хлѣба, овса и разжиться деньгами. Но рабочіе мои не ждутъ ни дня, ни часа. Иду просить въ заемъ. Нужда загнала къ человѣку богатому. Прошу у него денегъ для раздѣлки съ каменщиками,—не даетъ; прошу всего на недѣлю,—не даетъ; прошу на четыре дня „А тогда гдѣ возьмешь“ говоритъ онъ.— „Это не твое дѣло, Богъ подастъ!“— „А какъ не подастъ“, говоритъ онъ.— „Я тебѣ говорю подастъ!“— „Хорошо, до воскресенья подожду. Дай росписку въ томъ, что я такой-то взялъ денегъ у такого-то на четыре дня, не болѣе.“— Я далъ ему росписку, хоть и не надѣялся въ такой короткій срокъ уплатить деньги и раздѣлаться съ рабочими.

Вотъ и воскресенье наступило—срокъ для отдачи денегъ. Литургія къ концу, и мой кредиторъ пришелъ помолиться, что рѣдко прежде дѣлывалъ. Увидалъ я его, сердце мое обмерло, слезы навернулись на глазахъ. Стою въ алтарѣ, какъ истуканъ. Вдругъ къ сѣверной двери подходитъ старушка. „Петровичъ! Петровичъ! тебѣ вотъ писулька“. „Отъ кого?“—„Увидишь!“ Сымаю печать съ конверта... Боже милосердный! деньги при запискѣ. Что за деньги и отъ кого, я не сталъ и читать письма; отъ радости положилъ три земныхъ поклона передъ святымъ престоломъ, отыскавъ своего заимодавца въ церкви и отдалъ ему съ благодарностію долгъ. Не явная ли ко мнѣ недостойному милость Божія! Читаю письмо. Шлетъ эти деньги мнѣ купецъ Н. А. Когда копали для фундамента рвы, найденъ былъ золотой съ распятиемъ крестикъ. Я, не оглашая о находкѣ, послалъ этотъ крестикъ къ Н. Онъ человѣкъ набожный и не бѣдный вздумалъ за эту святыню прислать мнѣ при письмѣ деньги на построение храма (15 руб.). Какое стеченіе обстоятельствъ! Деньги получены въ то самое время, когда я былъ въ самомъ безвыходномъ положеніи, въ самой крайней нуждѣ.

Оставалось побѣдить еще одну трудность: покрыть новое строение желѣзомъ. Но это до осени. Что она скажетъ! Въ свободное отъ полевыхъ работъ время началъ я готовить лѣсъ и изготовилъ рѣшетникъ подъ кровлю. Богъ послалъ мнѣ весьма недорогого столяра, который принялся за постройку оконныхъ рамъ; а староста, хорошій плотникъ, началъ настилать, въ свободное отъ полевыхъ работъ время, полъ въ новомъ храмѣ.

Настала осень. Не безъ туги сердечной обошлось мнѣ покрытіе церкви желѣзною кровлею: и хлѣбъ проданъ, и овесъ,—денегъ все мало для покупки желѣза. Торговцы запрашиваютъ дорогую цѣну; въ долгъ не вѣрятъ. Жертвователей нѣтъ; сводъ храма покрытъ только досками. Но вездѣ и во всемъ, всякому помощникъ одинъ Богъ. Сила его, по апостолу, въ немощи совершается. Нашелся для меня добрый человѣкъ: онъ одолжилъ меня деньгами и какъ еще одолжилъ „Отдашь, сказалъ, возьму, не отдашь, не потребую. Знаю, что деньги мои пойдутъ на храмъ Божій. Грѣшно будетъ нуждать тебя“. Я поклонился ему чуть не въ ноги; и при его помощи церковь моя покрыта хорошей кровлей. Крестъ Господень возсіялъ на главѣ ея.

Вотъ настала и весна. Тихо, понемногу, не торопясь, своими руками разбираю лѣса, то кружала изъ подъ сводовъ выбиваю, то мусоръ выкидываю, ровняю. Староста настилаетъ полы. Столяръ дѣлаетъ уже зимнія рамы. Наконецъ, иконостасъ уставляемъ, вымѣриваемъ мѣсто, гдѣ быть престолу для совершения великаго таинства, гдѣ быть жертвеннику. День за днемъ уходитъ, и храмъ мой готовъ къ освященію.

Предстоитъ послѣднее дѣло—освященіе храма. Хотя денегъ опять у меня не было, но я имѣлъ какую то увѣренность, что деньги у меня будутъ. „Хоть себя заложу, а достану денегъ“, говорилъ я другимъ, тѣша себя. Когда все это прошло, подумаю теперь, „что я за человѣкъ! какъ я могу заложить себя. Вѣдь дьячекъ—послѣдняя, какъ говорится, спица въ колесницѣ. Что за меня дадутъ?“ Но тогда этого въ голову мнѣ не приходило. Теперь мнѣ и дѣйствительно легче стало достать денегъ: всѣ видѣли, что я построилъ церковь, и заключили, что я богатъ. Всѣ также видѣли, что я плачу долги исправно, въ сказанное время, деньгами, какъ я говорю всѣмъ, Богомъ посылаемыми. Кредитъ, слѣдовательно не потерялъ; да и денегъ теперь мнѣ нужно было не много; сто, много полтора ста рублей. Къ тому же начались къ освященію жертвы, пожертво-

ванія небольшія, но частыя, которыя, въ сложности, дѣлались значительными. Давали мнѣ и деньгами, и вещами.

Помощникъ архитектора нѣкій Крыловъ осмотрѣлъ работу; входилъ во всѣ подробности. Такъ и видно, что человѣкъ, знающій свое дѣло. Что ни скажу я, все молчитъ, питая свою глубокую думу. Наконецъ, я увидѣлъ роковыя слова на планѣ „все по плану выполнено и работа хорошая“. Получилъ я, наконецъ, и резолюцію преосвященнаго, и указъ консисторіи на освященіе храма мѣстному о. благочинному.

Назначенъ день торжества; извѣщены о томъ всѣ окрестные жители. Народу на освященіе собралось очень много. Церковь освятили. Такимъ образомъ за-вѣтное мое желаніе исполнилось. Благодарю Господа отъ всего моего сердца!

Лошади мои отдохнули я сѣлъ въ повозку и Жерехово осталось за нами.

За труды по дѣлу народнаго образованія Тимофѣй Петровичъ 25 марта 1870 года былъ возведенъ въ санъ діакона, въ томъ же 70 году получилъ серебряную медаль на Станиславской лентѣ за построение церкви.

Въ 1874 году, марта 2-го дня, указомъ консисторіи Тимофѣй Петровичъ былъ переведенъ діаконъ въ село Ваганово Владимирскаго уѣзда, въ 7 верстахъ отъ Жерехова.

Съ грустію, съ плачемъ проводили Жереховцы своего діакона. За 22 года Тимофѣй Петровичъ такъ сжилъ съ своими прихожанами, что сталъ для нихъ самымъ близкимъ имъ человѣкомъ, вѣдь за эти 22 года онъ былъ для нихъ не только служителемъ церкви, онъ и училъ ихъ, и лѣчилъ, собирая разныя травы; онъ былъ хорошимъ пчеловодомъ и раздавалъ крестьянамъ свои колодки пчель, давалъ совѣты по пчеловодству. Тимофѣй Петровичъ зналъ каждого жителя Жерехова и окрестныхъ деревень; всякій нуждающійся находилъ въ немъ, если не прямого пособника въ своей бѣдѣ, такъ добраго совѣтчика или инициатора общественной помощи. Въ его тѣсной избенкѣ длинными зимними вечерами собирались односельчане, и онъ читалъ имъ Евангеліе и житія святыхъ. Тѣ же односельчане нерѣдко направляли къ нему прохожихъ странниковъ, не знавшихъ гдѣ пріютиться, и эти послѣдніе всегда находили въ его домѣ и пріютъ, и гостепріимство.

Довѣріе къ нему народа было такъ велико, что при составленіи уставныхъ грамотъ въ окрестномъ районѣ благодаря его совѣтамъ и разъясненіямъ не произошло не только волнений, но даже какихъ бы то ни было недоразумѣній.

Въ холеру 1872 года Тимофѣй Петровичъ сослужилъ едва ли не большую службу. Страшная болѣзнь вызвала панику среди населенія; не было не только медицинской помощи, но крестьяне бѣжали отъ больныхъ, и тѣ изнывали отъ жажды, не имѣя воды, чтобы напиться.

Тимофѣй Петровичъ получилъ отъ земства лекарства и переходилъ изъ избы въ избы, ободряя, ухаживая и леча. Труды его во многихъ случаяхъ увѣнчались успѣхомъ, а примѣръ вызвалъ подражателей.

Первымъ дѣломъ діакона на новомъ мѣстѣ было озаботиться помѣщеніемъ для школы. Въ долгъ пріобрѣтаетъ онъ въ сосѣднемъ помѣщицьемъ имѣніи срубъ на сносъ и немедленно переноситъ его въ Ваганово. Къ веснѣ того же 74 года домъ былъ уже готовъ и осенью онъ началъ уже занятія въ новой, выстроенной имъ школѣ. Училищный Совѣтъ опредѣлилъ его учителемъ въ новой школѣ и не назначилъ туда особаго законоучителя.

Періодъ времени съ 1874 года по 1887 былъ посвященъ воспитанію двухъ младшихъ сыновей, пристраиванію родственниковъ, устройству церковнаго хора изъ школьниковъ и оборудованію школы. Тимофѣй Петровичъ пріобрѣталъ для нея учебники, пособія и улучшалъ ея помѣщеніе. Не забывалъ онъ и выстроенной имъ церкви. Земство неоднократно выражало ему благодарность за труды по народному образованію и, наконецъ, въ 1887 г. онъ былъ пожалованъ орденомъ Св. Анны 3-й степени, будучи однимъ изъ первыхъ дьяконовъ, получившихъ столь высокую награду.

Въ томъ же 1887 году Епархіальнымъ начальствомъ выражена была ему благодарность за исправленіе ветхостей на 1000 р. Жереховскаго храма прежде имъ устроеннаго, а въ 1888 г. ему преподано было благословеніе Святѣйшаго Синода съ выдачею грамоты.

Въ 1890 году воспитаніе дѣтей и младшихъ родственниковъ совершенно закончилось. Неумолимая натура Тимофѣя Петровича искала себѣ новаго дѣла на пользу общества. Въ 1891 году въ Россіи появилась холера. Зная по опыту, какъ торопятся хоронить умершихъ отъ холеры, и какіе въ то-же время слухи распространяются о заживо погребенныхъ, Тимофѣй Петровичъ рѣшилъ на свой счетъ построить особое помѣщеніе „виталяницу“, поставить тамъ крестъ, нѣсколько иконъ и помѣщать тамъ новопреставившихся прихожанъ. Намѣреніе было доброе, но Тимофѣй Петровичъ не зналъ законовъ, не испросилъ разрѣшенія и много горя пришлось принять ему за свою попытку предупредить возможность волненія и можетъ быть смерти заживо погребеннаго.

Холера пришла, и Тимофѣй Петровичъ началъ бороться съ третьей на своемъ вѣку эпидеміей; вотъ какъ онъ пишетъ объ этомъ своему старшему сыну:

„Я лѣтошній годъ записался въ санитарные сотрудники, владѣю казенной аптечкой съ медикаментами. Я съ холерой боролся, здорово помогаль добрымъ людямъ: ходилъ къ больнымъ нисколько не стѣсняясь, лѣчилъ, какъ умѣлъ, а именно мой рецептъ противъ холеры: какъ бываетъ ударъ въ голову, то лью горячей воды, кто какъ можетъ терпѣть, потомъ, когда бываютъ судороги, то растирать крапивой, окунувъ въ вино или керосинъ, или въ деревянное масло, подъ спину на голо тѣло крапивы, потомъ обернуть ноги въ крапиву же, обуть валены сапоги, на животъ клали золы въ мѣшкахъ, по 90 капель Иноземцева тоже на три приѣма. Было случаевъ до 30 на третій день шли на работу“.

По окончаніи холеры, Тимофѣй Петровичъ озаботился состояніемъ любимаго своего дѣла—школы. Купленное имъ старое зданіе приходило въ ветхость, годы самого Тимофѣя Петровича были уже преклонны, ему захотѣлось поставить дѣло такимъ образомъ, чтобы оно могло продолжаться и послѣ его смерти. Онъ задумалъ построить большое солидной постройки каменное зданіе для школы.

Такъ же, какъ лѣтъ 30 тому назадъ для церкви, онъ началъ исподволь подготавливать матеріалы для школы, ведя въ то же время переговоры съ крестьянами объ уступкѣ ему земли для постройки. Какъ ни хороши были отношенія Тимофѣя Петровича съ прихожанами, но обостренныя отношенія съ начальствомъ, начавшіяся во время дѣла о постройкѣ „виталяницы“, сказались въ хлопотахъ о землѣ и землю ему долго не отводили.

Только приговоръ крестьянъ села Жерехова, которые прослышавъ о желаніи Тимофѣя Петровича немедленно отвели десятину земли и предложили свой безмездный трудъ, подвинулъ дѣло впередъ. Но Тимофѣй Петровичъ бодро боролся съ препятствіями, отнюдь не приходя въ уныніе отъ угрозъ своихъ

враговъ, такъ объ одномъ своемъ недоброжелателѣ, сказавшемъ ему: „не положу меча на полѣ брани, доколѣ тебя не сражу и самъ погибну“,—онъ обычно отзывался— „Не знаю, долго ли я буду отъ него терпѣть, дай Богъ ему здоровья, силкомъ тащить въ царствіе небесное“.

Какъ бы то ни было, земля была отведена, и постройка школы началась. Собственными старческими руками выдѣлывалъ Тимофѣй Петровичъ каждый кирпичъ для огромнаго зданія. Были приглашены нѣсколько каменщиковъ,— работа закипѣла. Въ 1895 году зданіе приближалось уже къ концу. Были выведены своды, надо было вышибить изъ подъ нихъ кружала. Тимофѣй Петровичъ принялся за это дѣло и былъ погребенъ подъ обрушившимися сводами своей постройки.

Два часа пробылъ онъ подъ камнями, пока замѣтили бѣду и откопали его.

Впрочемъ происшествіе это мало отозвалось на его здоровьѣ, а еще избавило его отъ инфлюэнцы. Вотъ какъ пишетъ онъ объ этомъ.

„Получили ли мое письмо, въ которомъ я писалъ о своей гибели отъ каменной тучи? Какъ Господь спасъ, и самъ не знаю. Будучи внутри зданія во время паденія сводовъ, весь былъ я въ крови, ссадилъ кожу во многихъ мѣстахъ на головѣ и на лѣвой рукѣ, выбиваясь дабы подать голосъ, что я живъ. По Божьей помощи всталъ изъ огромной массы кирпича, ни въ чемъ не вредимъ даже отъ испуга и излишняго воодушевленія, что я остался живъ, остатки инфлюэнцы тутъ же отъ меня отошли. Былъ страшный кашель съ мокротой сильной, головная боль, опухоль ногъ,—все миновалось, содранная кожа зажила скорехонько. Случилось это 16 мая въ два часа по полудни.“

Въ этомъ же 1895 году въ февралѣ мѣсяцѣ уѣздное земское собраніе постановило снять съ Тимофѣя Петровича три поясныхъ портрета въ три четверти натуральной величины, одинъ изъ нихъ повѣсить въ училищѣ, второй въ училищномъ совѣтѣ и третій отдать Тимофѣю Петровичу въ воспоминаніе его 43 лѣтней дѣятельности въ качествѣ народнаго учителя.

Въ 1895 г. школа была отстроена, и въ сентябрѣ мѣсяцѣ тамъ начались занятія. Это была уже третья школа построенная руками Тимофѣя Петровича.

Вагановское сельское училище
(выстроено руками Т. П. Тимофеевскаго).

Въ этомъ же году, ноября 20 числа, Тимофѣя Петровича постигло тяжелое несчастье: скончалась его супруга Елизавета Ивановна на 64 году жизни. Въ ней Тимофѣй Петровичъ потерялъ человѣка, поддерживавшаго его въ тяжелой

минуты и единственного совѣтника и помощника во всѣхъ его дѣлахъ. Миръ праху ея!

Въ 1897 году Тимофѣй Петровичъ несъ, во время переписи, обязанности счетчика.

Въ 1898 году Тимофѣй Петровичъ началъ строить второй этажъ своего училища. Оставшись одинъ онъ не нуждался болѣе въ своемъ старомъ домѣ, снесъ его и весь матеріалъ употребилъ на постройку. Старое училище (деревянное) пошло на обжиганіе кирпича. Старая усадьба была разрушена; Тимофѣй Петровичъ ютился въ комнатахъ новаго училища, предназначенныхъ для ночлега учениковъ.

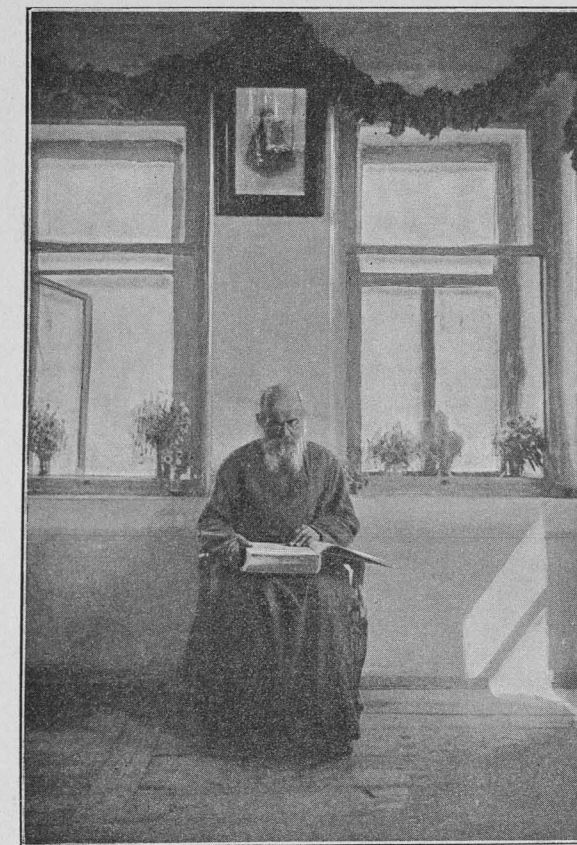
Въ 1901 году 2-й этажъ училища былъ законченъ вчернѣ. Занятія шли въ нижнемъ этажѣ. Наконецъ, къ веснѣ 1902 года зданіе было совершенно готово. Приходилъ къ концу 50-й годъ церковно-общественнаго служенія Тимофѣя Петровича.

Въ маѣ и іюнѣ мѣсяцахъ 1902 г. почти всѣ знакомые Тимофѣя Петровича получили слѣдующее приглашеніе:

Господу Богу было угодно продлить мою жизнь до того счастливаго дня, когда исполнилось 50 лѣтъ со дня моего служенія церкви Божіей и сильной просвѣтительной дѣятельности въ качествѣ народнаго учителя.

Вознамѣрившись возблагодарить прежде всего Создателя всяческихъ за Его милости ко мнѣ, выразившіяся въ успѣхѣ моихъ трудовъ, и предполагая примѣниться къ отцамъ и братьямъ нашимъ, приглашаю и смиренно молю Васъ, прибыть 8-го сего іюля 1902 г. въ село Ваганово Владимирской губ. и уѣзда (станція Ундоль Московско-Нижегородской ж. д., 7 верстъ) для совмѣстнаго вознесенія смиренныхъ молитвъ Господу Богу, помогающему въ дѣлахъ добрыхъ.

Діаконъ Тимофѣй Петровъ Тимофеевскій.

Въ іюль 1902 г. подъ гостепріимный кровъ маститаго старца начали съѣзжаться гости. Изъ Крыма, съ Кавказа, изъ далекіхъ степей Украйны, изъ глубины Муромскихъ лѣсовъ стекались въ глухое Ваганово дѣти, внуки, родственники и знакомые съ женами, дѣтьми... Къ 7 іюля собрались почти всѣ.

Празднованіе началось 7 іюля всенощнымъ бдѣніемъ. Въ церковь сошлись родные, кой кто изъ прихожанъ. Служили мѣстный священникъ о. Михаилъ Беллонинъ съ завтрашнимъ юбиляромъ. Читали и пѣли въ церкви собравшіеся родственники Тимофѣя Петровича.

Послѣ всенощной была отслужена о. благочиннымъ Серебряковымъ съ священникомъ Беллонинымъ и діакономъ Тимофѣемъ Петровичемъ Тимофеевскимъ торжественная панихида на могилѣ почившей супруги Тимофѣя Петровича Елизаветы Ивановны. На могилу былъ возложенъ дѣтьми покойной вѣнокъ.

Утромъ 8-го іюля торжество началось литургіей. Служили 7 священниковъ и 3 діакона. Церковь была переполнена прихожанами, бывшими и настоящими учениками Тимофѣя Петровича и его сослуживцами. Къ началу обѣдни прибыли директоръ народныхъ училищъ Владимирской губ. д. с. с. Ал. Петр. Флеровъ, инспекторъ нар. учил. Владимирской губ. с. с. М. А. Казанскій, членъ губернской земской управы Г. Смирновъ, попечитель Вагановской школы, мѣстный земскій начальникъ, с.с. А. О. Рейнвальдъ и друг.

По окончаніи литургіи о. благочинный обратился къ присутствующимъ, объясняя имъ значеніе сегодняшняго торжества и освѣщая личность юбиляра. Вотъ слова о. благочиннаго въ извлеченіи:

„Въ жизни людей, переполненной всевозможными горечами, иногда выпадаютъ счастливые дни, когда не только они сами, но и знающіе ихъ ощущаютъ отрадное чувство и, проникаясь имъ до глубины души, возносятъ вмѣстѣ съ самими счастливыми теплую молитву хвалы, благодареніе къ Богу, подателю всѣхъ благъ. Къ такимъ, выдающимся въ сей жизни, я позволяю себѣ отнести и настоящій день юбилейнаго торжества здѣшняго почтеннаго о. діакона Тимофѣя Петровича Тимофеевскаго, — день, которымъ завершился 50-лѣтній трудъ его служебной дѣятельности церкви и народному просвѣщенію. Собраніе чествователей настоящаго юбилея, съѣхавшихся изъ разныхъ и даже весьма отдаленныхъ мѣстъ и возносящихъ вмѣстѣ съ виновникомъ торжества молитвы къ Богу, служатъ тому доказательствомъ.

На долю немногихъ выпадаетъ жребій полувѣкового служенія церкви и народному просвѣщенію, какимъ почтилъ Господь здѣшняго о. діакона. И за это время несомнѣнно пришлось ему испытать не мало пріятнаго и непріятнаго. Такъ Господь наградилъ его дѣтьми, которые и при бѣдности его получили

образование и составили себѣ сравнительно хорошія положенія. Очевидно все это утѣшало, воодушевляло и подкрѣпляло родителей. Затѣмъ успѣхи его школьничковъ и награды училищнаго начальства за труды его по народному образованию возбуждали его энергію, производили значительный подъемъ его нравственныхъ и физическихъ силъ, что способствовало къ продолженію его дѣятельности по народному образованию и также къ его утѣшенію.

Но среди радостей и утѣхъ встрѣчались имъ и скорби, и печали. Душа молодого Жереховскаго дьячка, какимъ былъ нашъ юбиляръ съ 52-го по 70-й г. протекшаго столѣтія, не довольствовалась тѣмъ, что на него, какъ церковника и учителя, возложено было подлежащимъ начальствомъ; онъ искалъ большей дѣятельности и большихъ заботъ. Скоро Промыселъ указалъ ему то, чего искала душа его. Въ селѣ Жереховѣ не было теплаго храма, и служителямъ церкви по зимамъ приходилось ежиться и дрожать отъ холода за богослуженіями. До дьячка Тимофеевскаго не находилось у прихода средствъ на сооруженіе теплой церкви, но этотъ сравнительно юный по возрасту и скромный по положенію Тимофѣй Петровичъ задумалъ устранить такой крупный приходскій недостатокъ и, съ благословенія архипастыря, затѣялъ дѣло устроенія теплаго храма. И вотъ за такое доброе и по истинѣ самоотверженное предпріятіе отовсюду посыпались на этого труженика всевозможные насмѣшки, уколы и клеветы. «Что онъ затѣялъ? На что надѣется? Гдѣ средства на все это?»—Вотъ вопросы, которыми его осаждали, вопросы, полные ироніи и сарказмовъ. Нѣкоторые дѣянія его приписывали даже дѣйствию разстройства умственныхъ силъ. Такіе душевные удары сильно потрясли его организмъ. Но молодой причетникъ, благодаря крѣпости умственныхъ и физическихъ силъ, вынесъ мужественно эту невзгоду, шагъ за шагомъ идя впередъ по тернистому пути, заранѣе хорошо обдумавъ планъ своего предпріятія: открылъ кирпичное заведеніе, самъ готовилъ кирпичъ и при Божьей помощи да при скудныхъ со стороны жертвахъ, создалъ въ селѣ Жереховѣ храмъ Божій во имя Боголюбской Божіей Матери, который на добрую память великаго труженика стоитъ и по сіе время въ селѣ Жереховѣ. Въ мѣстныхъ села Жерехова документахъ сказано: «теплая церковь построена тщаніемъ дьячка села Жерехова (нынѣ діаконъ с. Ваганова) Тимофѣя Тимофеевскаго въ 1869 г.»—Такъ нашъ почтенный юбиляръ доказалъ, что гдѣ вѣра, тамъ и Богъ, а гдѣ Богъ, тамъ и сила, что въ трудныхъ предпріятіяхъ сила не въ богатствѣ, а въ вѣрѣ въ Бога и въ любви къ труду и людямъ.

Затѣмъ нашъ труженикъ въ 1874 году протекшаго столѣтія перешелъ сюда въ с. Ваганово уже діаконъ. И здѣсь его широкая натура не довольствовалась трудомъ по церкви, приходу и школѣ; онъ искалъ опять-таки новыхъ заботъ и труда. Опять о. діаконъ и здѣсь беретъ за кирпичедѣланіе и затѣмъ за сооруженіе отдѣльнаго училищнаго зданія. И при этомъ предпріятіи нерѣдко встрѣчался онъ съ разными невзгодами, колебавшими его душу, но благодареніе Господу Богу, содѣйствующему и помогающему въ добрѣ, теперь высится грандіозное и благоустроенное въ с. Вагановѣ училищное зданіе, созданное при полномъ безденежѣ, неусыпными трудами неугомоннаго труженика о. діаконъ здѣшней церкви. Церковь с. Жерехова и здѣшнее училищное зданіе служатъ лучшимъ памятникомъ того, что жилъ и здѣсь нѣкогда тотъ, который всю свою жизнь отдалъ Богу и тѣмъ, среди которыхъ онъ жилъ и дѣйствовалъ.

Достопочтенный отецъ діаконъ! Съ 18-лѣтняго возраста ты вступилъ на поприще общественнаго дѣятеля и съ честью кончаешь эту задачу. Я думаю и

самъ ты удивляешься тому, что тобою сдѣлано за періодъ 50-лѣтняго служенія, если оглянешься на свое прошлое. И насъ не мало удивляетъ это, ибо безъ средствъ и въ положеніи меньшей братіи создать многотысячныя дѣла поистинѣ удивительно. Но честь и слава тебѣ, безкорыстный и полный самоотверженія труженикъ! Взгляни теперь на свое прошлое и радуйся отъ сознанія того, что ты сдѣлалъ многое на пользу ближнимъ, подвергая себя самого всякаго рода безпокойствамъ, лишеніямъ, огорченіямъ.

Это путь, проложенный Господомъ Иисусомъ, по нему шествовали св. апостолы. Не этимъ ли заслужили себѣ безсмертную память и вѣчную благодарность въ потомствѣ и всѣ безкорыстные и лучшіе люди на землѣ? Примѣръ ихъ и твой не долженъ ли пристыдить тѣхъ, кто не радитъ о своемъ долгѣ—дѣйствовать и трудиться для блага ближнихъ? Какой человѣкъ, если только въ немъ не совсѣмъ еще погасла искра благороднаго соревнованія къ добру, взирая на твой примѣръ безкорыстной любви къ человѣчеству, не воспламенится и самъ тою-же любовію? Ибо ты и церковь, и здѣшнее училищное зданіе предоставляешь, какъ слышу, на пользу ближнимъ... Вотъ что, другъ, только чувство удовольствія, проистекающее отъ увѣренности въ томъ, что мы ведемъ жизнь полезную и благотворную для людей, доставляетъ намъ истинное, чистое и высокое наслажденіе; только это сознаніе своей добродѣтели, что мы живемъ для людей, а не для себя самихъ можетъ усладить горести земной жизни, наполнить наши сердца благодарностію къ Богу и возвыситъ насъ надъ временными превратностями земной жизни; только для такихъ людей въ тотъ послѣдній день, который будетъ откровеніемъ славы великаго Бога и вмѣстѣ славы всѣхъ чтущихъ Его, возсіяютъ чистыя радости неба и вѣчности. Ты, какъ человѣкъ, могъ имѣть и несомнѣнно имѣлъ недостатки. Ради же твоихъ заслугъ предъ Богомъ и людьми по молитвѣ тѣхъ, кому ты сдѣлалъ добро, по молитвѣ не одной сотни, выпущенныхъ тобой изъ школы дѣтей, къ которымъ ты присоединишь и свои молитвы предъ Богомъ, Господь Богъ помилуетъ тебя, ибо неизмѣнно слово св. Писанія: слава и честь, и миръ всякому, дѣлающему благая. (Рим. XI, 10).

Воспомянувъ частію только событія твоей жизни, въ назиданіе себѣ и другимъ, останавливаю взоръ и вниманіе предстоящихъ въ семъ храмѣ на Богѣ, Подателѣ всѣхъ благъ, съ просьбой вознести къ нему молитву благодаренія за тебя, съ честью исполнившаго 50-тилѣтнее служеніе церкви и общественному благу въ званіи причетника, діаконъ и учителя. Помолимся же братіе, въ приснопамятный день его жизни и юбилейнаго торжества*.

Послѣ этихъ словъ вышелъ священникъ о. Павелъ Соколовъ, законоучитель Глуховскаго училища, поднесъ юбиляру икону Казанской Божіей Матери и произнесъ слѣдующую рѣчь:

Достопочтенный о. Діаконъ Тимофѣй Петровичъ!

Въ нынѣшній знаменательный и радостный для Васъ день мы, сослуживцы Ваши, законоучители и учителя народныхъ школъ, собрались сюда, чтобы привѣтствовать Васъ съ исполнившимся 50-лѣтіемъ Вашей педагогической дѣятельности.

Намъ, трудящимся съ Вами на одной и той же нивѣ народнаго просвѣщенія, болѣе, чѣмъ кому-либо, понятны тѣ чувства удовольствія и радости, кото-

рыми Вы несомнѣнно одушевлены въ настоящія минуты; ближе другихъ намъ знакомы и тѣ трудности и невзгоды, которыя вамъ пришлось перенести въ теченіе такого длиннаго періода учительства. Вѣдь 50 лѣтъ учительства это легко только сказать, а вынести это тяжелое бремя едва ли каждому подъ силу! Тотъ, кто знаетъ, съ какимъ умственнымъ развитіемъ вступаютъ наши крестьянскія дѣти въ школу и съ какимъ богатымъ и разнообразнымъ запасомъ знаній они выходятъ изъ нея по истеченіи 3-хъ лѣтъ ученія, кто знаетъ всѣ условія нашего крестьянскаго быта, тотъ повѣритъ какихъ усилій, заботъ, волненій стоитъ провести народному учителю свой учебный годъ. И такихъ годовъ на Вашу долю выпало цѣлыхъ 50. Нынѣ немногіе дотягиваютъ и до 25-лѣтняго-то срока учительства, большинство ослабѣваетъ ранѣе, а такихъ случаевъ, какъ Вашъ, почти не бывало по крайней мѣрѣ въ нашей губерніи. Только присущей Вамъ энергіей, трудолюбіемъ и, очевидно, вѣрой въ святость совершаемаго Вами дѣла и можно объяснить то обстоятельство, что мы имѣемъ удовольствіе присутствовать при такомъ выдающемся юбилейномъ торжествѣ въ скромной учительской долѣ.

Вашъ полувѣковой учительскій трудъ можно безъ преувеличенія назвать подвигомъ. Вы не только учили, не только сѣяли сѣмена просвѣщенія въ народную среду, но сами создали и необходимые для того расадники просвѣщенія. Помимо той громадной пользы, которую Вы принесли народу, Вы сдѣлали своимъ трудомъ честь и славу и тому сословію, къ которому Вы принадлежите. Въ знакъ своего къ Вамъ уваженія и искренней товарищеской любви мы приносимъ Вамъ въ даръ сію св. икону Казанской Божіей Матери. Пусть этотъ скромный даръ нашъ будетъ залогомъ того, что труды Ваши оцѣнены и дѣятельность Ваша можетъ служить образцомъ для подражанія многимъ.

Храните эту св. икону, молитесь на нее и просите Пречистую Богоматерь, да подкрѣпляетъ Она Ваши старческія силы на многіе годы!

Кромѣ этихъ рѣчей было во время молебствія произнесено о. Николаемъ Троицкимъ слѣдующее слово.

Да позволено будетъ и мнѣ сказать тебѣ нѣсколько привѣтственныхъ словъ, досточтимый юбиляръ!

Не настолько близокъ я тебѣ, да и не обладаю достаточнымъ даромъ слова, чтобы могъ представить болѣе или менѣе полную и точную характеристику полувѣковой педагогической дѣятельности твоей, достопочтенный нашъ старецъ-сослужитель! О 50-тилѣтней твоей діаконской службѣ говорить не буду, такъ какъ эта служба, вѣроятно, ничѣмъ особеннымъ не выдѣляется изъ ряда вонъ. Прежде крайне интересовала и теперь всецѣло останавливаетъ на себѣ мое вниманіе—это крайняя напряженность энергіи, съ которой ты не 10 лѣтъ и не четверть вѣка, а цѣлое полустолѣтіе трудился надъ воспитаніемъ и обученіемъ дѣтей. Надо только дивиться, какая мощь и бодрость духа и доселѣ кроется въ этомъ престарѣломъ, но еще сравнительно крѣпкомъ организмѣ! Только очевидецъ можетъ вполне представить себѣ ту захватывающую, полную интереса картину, какъ этотъ старичекъ-учитель, въ діаконскомъ санѣ, украшенный знаками отличія за свою многолѣтнюю и ревностную службу, въ день выпускного экзамена наравнѣ съ другими своими товарищами по учебной дѣятельности—20-ти лѣтними юношами и дѣвицами, трудится, напримѣръ, надъ

составленіемъ экзаменаціоннаго списка, раздаетъ учебныя принадлежности привезеннымъ на экзаменъ своимъ питомцамъ-ученикамъ, съ извѣстнымъ напряженіемъ ждетъ на экзаменъ членовъ испытательной комиссіи и живетъ тутъ вполне жизнью своихъ учениковъ, радуется вмѣстѣ съ радующимися и печалится вмѣстѣ со скорбящими. И это такъ цѣлые полвѣка!

Въ праздникъ онъ служитъ въ церкви, въ будни въ школѣ, зимой онъ сѣетъ сѣмя слова Божія въ сердца своихъ юныхъ питомцевъ, а лѣтомъ у него еще хватаетъ рвенія и силъ сравнительно умѣло заняться по домашнему хозяйству. Послѣдняя работа является для него достаточнымъ отдохновеніемъ, послѣ котораго онъ съ свѣжимъ запасомъ силъ проводитъ новую, глубоко рѣжущую колею учебнаго года на весьма обширномъ полѣ учебной дѣятельности. Не буду останавливаться на той массѣ терпѣнія и упорнаго труда, какая положена была тобою, досточтимый старецъ, въ теченіе каждаго изъ 50 годовыхъ курсовъ обученія: всякій изъ насъ, твоихъ сослуживцевъ, хотя бы годъ только учительствовавший, хорошо знаетъ важность и трудность службы сельскаго народнаго учителя!

Послѣдствіемъ такого продолжительнаго прохожденія тобою учительской должности явилось то, что школа твоя съ ея внутреннимъ содержаніемъ и внѣшней обстановкой стала плотію отъ плоти твоей и костью отъ кости твоей. Школа твоя—это самое любимое твое дѣтище, для котораго ты не щадилъ ни средствъ, ни жизни. Живой иллюстраціей такого теплаго твоего, досточтимый юбиляръ, отношенія къ школѣ можетъ служить случайно слышанное мной замѣчаніе отъ одного изъ прихожанъ Вашихъ: „нашъ о. діаконъ иногда до того достроится, что идетъ къ кому либо изъ насъ занимать денегъ на постройку училища“. Поистинѣ, Вы, о. діаконъ, представляете собой чуть не единичный примѣръ энергіи, труда и терпѣнія своею полувѣковой учительской дѣятельностью, примѣръ, который достоинъ послужить образцомъ для всѣхъ сотоварищей вашихъ по учительству! „О! благіи рабе и вѣрный! Не скрылъ ты, а умножилъ данный тебѣ отъ Бога талантъ; войди же въ радость Господа Твоего!“.

По окончаніи богослуженія юбиляръ, окруженный священнослужителями, поющими „достойно есть“, прослѣдовалъ въ помѣщеніе училища. Сюда же собрались гости, ученики, прихожане. Старшій сынъ юбиляра предложилъ присутствующимъ прослушать помѣщенную выше біографію Тимофѣя Петровича. Чтеніе біографіи было закончено слѣдующими словами:

Въ 1902 г. былъ достроенъ второй этажъ зданія, была достроена и пристройка къ нему. Училище было окончено.

Нынѣ 8-го іюля исполнилось 50 лѣтъ церковно-общественнаго служенія Тимофѣя Петровича. Не малый періодъ времени, не мало и сдѣлано на пользу общества: церковь, два деревянныхъ училищныхъ зданія, двухъэтажный каменный корпусъ, въ которомъ происходитъ сегодняшнее торжество, все это созданіе рукъ одного человѣка, не имѣвшаго ни матеріальныхъ средствъ, ни помощниковъ, ни покровителей. Это не мало, а мы еще не считали тѣхъ 3000 учениковъ, которые прошли черезъ руки Тимофѣя Петровича, получивъ отъ него первые начатки образованія, благодаря чему многіе выбились изъ тяжелаго положенія крестьянина.

Каждое начинаніе Тимофѣя Петровича встрѣчалось насмѣшками, глумленіемъ... Каждый разъ ему напоминали о томъ, насколько эти начинанія не со-

отвѣтствуютъ его матеріальному и общественному положенію, говорили, что нанимая *сегодня* рабочихъ, онъ не знаетъ, чѣмъ расплатится съ ними *завтра*, говорили, чтобы подумалъ онъ о семьѣ своей... Одинъ отвѣтъ находилъ на это Тимофѣй Петровичъ: „Не пещитесь убо на утріе, утренній бо собою печется, довлѣтъ дневи злоба его“. И вотъ мы видимъ, что и общественныя начинанія Тимофѣя Петровича закончены, и семейныя дѣла не въ неустройствѣ, и дѣти его не умерли съ голоду. А какой контрастъ между тѣсной избенкой жереховскаго дячка и этимъ домомъ! Поистинѣ: „Ищите прежде Царствія Божія и славы его, а прочія вся приложится вамъ“.

Послѣ чтенія поднялся г. Директоръ народныхъ училищъ д. с. с. А. П. Флеровъ и обратился къ юбиляру съ слѣдующимъ привѣтствіемъ.

„Позвольте мнѣ, многоуважаемый юбиляръ, достопочтеннѣйшій Тимофѣй Петровичъ, въ краткихъ словахъ привѣтствовать Васъ съ юбилеемъ церковной и общественной дѣятельности Вашей!

Прослужить 50 лѣтъ на какомъ бы то ни было поприщѣ вообще дѣло не легкое и для этого нужна помощь Божія. А Тимофѣй Петровичъ несъ двойную службу: учительскую и священнослужительскую.

Учительскій трудъ есть трудъ, въ особенности требующій наибольшаго напряженія силъ. Выдержать этотъ трудъ, да еще въ теченіе столь долгаго времени, можно только при особомъ благоволеніи Божию, — однихъ людскихъ силъ для этого недостаточно. Здѣсь присутствуютъ учителя и учительницы, они лично знакомы съ этимъ трудомъ и знаютъ, какъ тяжелъ онъ. Мы, знающіе этотъ трудъ, можемъ и должны сказать, что видимъ здѣсь рѣдкій примѣръ для подражанія. Можетъ быть, кто-нибудь спроситъ, какой же это примѣръ? Мы больше знаемъ, наши методы лучше, мы учимъ лучше. Нѣтъ, господа, я все-таки скажу — это высокій примѣръ. Методъ еще не все, методъ еще не самое главное, важна цѣль, любовь къ этой цѣли, вѣра въ нее. Цѣль, преслѣдуемая юбиляромъ поучительна и достойна подражанія. Дѣло, повторяю въ любви, въ святой увѣренности совершить свой трудъ, а этому мы всѣ можемъ поучиться у юбиляра, и хорошо было бы, если бы каждый изъ насъ учащихся приложилъ къ своему дѣлу хоть десятую долю той энергіи, какую приложилъ юбиляръ. Да, господа, этотъ юбилей, этотъ примѣръ, слѣдуетъ запомнить; чтобы совершить все, что совершилъ юбиляръ, повторяю, нужна была особая помощь Божія.

Я позволю себѣ рассказать одинъ эпизодъ изъ моей жизни, имѣющій отношеніе къ юбиляру.

Пріѣзжаю я какъ-то въ училище. Идутъ занятія. Эта вотъ самая комната переполнена дѣтми. О. діаконъ, скромно одѣтый, встрѣчаетъ меня. Дѣти привѣтствуютъ меня пѣніемъ, отвѣты ихъ бойки, они веселы, живы, смыслены, не забыты, очевидно, что они пришли сюда, какъ въ свой домъ, здѣсь ихъ родное мѣсто. Къ учителю обращаются они, какъ къ родному отцу. О. діаконъ занимается ведетъ свое дѣло съ увлеченіемъ, я бы сказалъ съ восторгомъ. Затѣмъ повелъ онъ меня осматривать это еще не достроенное тогда зданіе. Бойко вбѣгаетъ по лѣстницамъ, точно юноша, этотъ 70-ти лѣтній старецъ, чтобы показать свое любимое дѣтище — созидаемую имъ школу.

Посѣщеніе мое было коротко, но воспоминаніе о немъ не изгладилось и не изгладится никогда; такія картины не забываются, — онъ слишкомъ рѣдкі.

И подумайте только, что съ такимъ интересомъ и любовью къ своему дѣлу занимается глубокой старецъ на 49 году своей учительской дѣятельности. Припомните эти кирпичики, сдѣланные его старческими руками (здѣсь все его работа). Здѣсь есть чему поучиться, господа!

Не забудемъ же сегодняшній день юбилея!

Тимофѣй Петровичъ всю свою жизнь отдалъ на дѣло народнаго образованія, служа ему и духовно, какъ учитель, и физически, какъ строитель и учредитель. Онъ строитъ цѣлый рядъ школьныхъ зданій, на 70 году заканчиваетъ каменную двухэтажную постройку и проситъ Училищный Совѣтъ принять ее для школы. Глубокая ему благодарность за этотъ замѣчательный даръ.

Все время отецъ діаконъ велъ школу подъ покровомъ Церкви и въ тѣсной связи съ нею, и въ этомъ я вижу причину его успѣха.

Да поможетъ же Господь ему и въ дальнѣйшей дѣятельности и да продлитъ ее еще на многія лѣта!“

Послѣ рѣчи г. Директора Тимофѣю Петровичу была поднесена его бывшими учениками икона Казанской Божіей Матери съ слѣдующимъ, художественно отпечатаннымъ адресомъ въ изящномъ футлярѣ.

Глубокоуважаемый отецъ Діаконъ Тимофѣй Петровичъ!

Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ въ скромномъ званіи сельскаго псаломщика выступили Вы на путь распространенія грамотности и просвѣщенія среди окружающаго Васъ крестьянскаго міра, въ ту эпоху, когда крестьяне той мѣстности находились въ узахъ крѣпостного права, лишавшаго ихъ свободы обучаться грамотѣ. Съ горячей любовью къ этому святому дѣлу, съ полнымъ пренебреженіемъ ко всѣмъ трудностямъ этого тяжелаго пути, взяли Вы за исполненіе намѣченной Вами задачи, всѣ силы Вашего ума и сердца вкладывали Вы въ дѣло просвѣщенія крестьянскихъ дѣтей, готовя изъ нихъ вѣрныхъ сыновъ Церкви и Престола, хорошихъ работниковъ, честныхъ и добрыхъ семьянъ. Двадцать лѣтъ отдавали Вы себя на служеніе селу Жерехову, затѣмъ переведены были въ санѣ діакона въ село Ваганово. Переменная мѣста не измѣнила вашей любви къ школьному дѣлу. Первой Вашей заботой съ переходомъ въ село Ваганово была мысль устроить здѣсь школу, въ которой чувствовался сильный недостатокъ. Вы не пожалѣли собственныхъ тяжелымъ трудомъ добытыхъ средствъ; на нихъ сперва Вы построили деревянную, а потомъ солидную каменную школу. Здѣсь высказывается Ваша истинная любовь къ школьному дѣлу. Ваша неутомимая энергія и опытъ принесли желанные плоды: сотни людей познали благо просвѣщенія, познавъ возможность жить сознательно и разумно, познавъ высокій идеалъ, который руководилъ Вами въ теченіе всей Вашей благотворной дѣятельности. Среди насъ, здѣсь собравшихся, Вы видите своихъ учениковъ, въ нихъ результатъ Вашей многотрудной работы; благодаря Вамъ мы стали тѣмъ, что есть. Вашъ трудъ это залогъ нашего благополучія и успѣховъ. На разныхъ поприщахъ подвизаемся мы: земледѣліе и промышленность имѣетъ представителей Вашей школы, многіе добились большого положенія и всему этому въ значительной степени мы обязаны Вамъ. Тѣмъ съ большимъ восторгомъ вспоминаемъ мы о Васъ, а равно о тѣхъ годахъ, которые были проведены на Вашей школьной скамьѣ, подъ Вашимъ неусыпнымъ наблюденіемъ. Вы вдохнули въ насъ знанія, вѣру и любовь къ людямъ, надежду на торжество правды.

Какъ маякъ для мореходца, Вы освѣтили намъ дорогу и указали ту цѣль, къ которой мы должны стремиться, чтобы жизнь наша была полезною между людьми.

Имѣя Васъ представителемъ въ школьномъ дѣлѣ, пріятной своею обязанности считаемъ выразить Вамъ публично всеобщую благодарность и просимъ Васъ принять, въ знакъ глубокаго уваженія къ Вашей 50-тилѣтней учительской дѣятельности и Вашимъ многимъ жертвамъ на святое школьное дѣло икону сегодняшняго праздника Казанской Божіей Матери; молимъ и молиться будемъ Заступницѣ нашей, чтобы Она ходатайствовала предъ Сыномъ своимъ Исусомъ Христомъ, продлить Ваши годы и укрѣпить здравіе для воздѣлыванія обширной народной нивы, чтобы бросать въ нее сѣмена просвѣщенія. Плоды ея да будутъ Вашей наградой!

Сѣйте разумное, доброе, вѣчное,
Сѣйте! Спасибо Вамъ скажетъ сердечное
Русскій народъ.
Пусть же, какъ солнцемъ, словами поэта
Будетъ вся Ваша работа согрѣта!
Съ Богомъ впередъ!

Адресъ покрытъ многочисленными подписями. Послѣ бывшихъ учениковъ выступили впередъ прихожане Вагановской церкви и поднесли свой даръ икону Киево-Печерской Божіей Матери.

Командированный на празднованіе юбилея Владимирской Губернской Земской Управой членъ Управы Г. А. Смирновъ произнесъ слѣдующую рѣчь:

Губернская Земская Управа поручила мнѣ привѣтствовать Васъ сегодня, глубокоуважаемый юбиляръ! Губернская Управа съ особеннымъ уваженіемъ и удивленіемъ взирала и взираетъ на Вашу дѣятельность. Дѣятельность Ваша была освѣщена здѣсь достаточно, мнѣ нечего уже прибавить къ сказанному ранѣе. Есть только одна сторона, которой не коснулись ни біографія, ни произносимыя ранѣе рѣчи, сторона тѣмъ не менѣе весьма важная для земства. Я имѣю въ виду ту отзывчивость, съ которой Вы относились къ многочисленнымъ и разнообразнымъ запросамъ, съ которыми обращалась къ Вамъ неоднократно Управа. Несмотря на обширнѣйшую Вашу дѣятельность, Вы находили время отвѣчать и на эти запросы, понимая глубокую важность ихъ для земства. Глубокоуважаемый Тимофѣй Петровичъ! Не нахожу словъ выразить Вамъ насколько благодарно Вамъ Владимирское земство за Вашу многочисленную, полезную и разнообразную дѣятельность.

Членъ училищнаго совѣта церковно-приходскихъ школъ г. Малиновскій сказалъ слѣдующее:

„Позвольте привѣтствовать Васъ, Тимофѣй Петровичъ, и отъ училищнаго совѣта церковно-приходскихъ училищъ. Дѣятельность церковной и земской школы такъ близка, что сегодняшнее торжество одного изъ труженниковъ земской школы является торжествомъ и нашимъ. Примите же, достопочтенный юбиляръ, мои привѣтствія, и да поможетъ Вамъ Богъ въ Вашихъ трудахъ“.

Послѣ рѣчей дѣти Тимофѣя Петровича поднесли свои подарки и старшій сынъ его сказалъ слѣдующее:

Как маяк для мореходца, Вы освѣтили намъ дорогу и указали ту цѣль, къ которой мы должны стремиться, чтобы жизнь наша была полезною между людьми.

Имя Васъ представителемъ въ школьномъ дѣлѣ, приятной святою обязанности считаемъ выразить Вамъ публично всеобщую благодарность и просимъ Васъ принять, въ знакъ глубокаго уваженія къ Вашей 50-лѣтней учительской дѣятельности и Вашимъ многимъ жертвамъ въ святое школьное дѣло икону сегодняшняго праздника Казанской Божіей Матери; молимъ и молятся будемъ Заступницѣ нашей, чтобы Она ходатайствовала предъ Сыномъ своимъ Исусомъ Христомъ, продлить Ваши годы и укрѣпить здравіе для воздвиганія обширной народной нивы, чтобы бросать въ нее семена проповѣданія. Плоды ея да будутъ Вашей наградой!

Сѣйте разумное, доброе, вѣчное,
Сѣйте! Спасибо Вамъ скажетъ сердечное
Русскій народъ.
Пусть же, какъ солнцемъ, словами поэта
Будетъ вся Ваша работа согрѣта!
Съ Богомъ впередъ!

Адресъ покрытъ многочисленными подписями. Послѣ бывшихъ учениковъ выступили впередъ прихожане Вагановской церкви и поднесли свой даръ икону Кіево-Печерской Божіей Матери.

Командированный на празднованіе юбилея Владимирской Губернской Земской Управой членъ Управы Г. А. Смирновъ произнесъ слѣдующую рѣчь:

Губернская Земская Управа поручила мнѣ привѣтствовать Васъ, глубокоуважаемый юбиляръ! Губернская Управа съ особеннымъ удивленіемъ взирала и взираетъ на Вашу дѣятельность. Дѣятельность Ваша была освѣщена здѣсь достаточно, мнѣ же еще уже прибавить и прибавить ранѣе. Есть только одна сторона, которой не касались ни биографическія, ни износимыя ранѣе рѣчи, сторона тѣмъ не менѣе важная для Васъ. Имѣю въ виду ту отзывчивость, съ которой Вы откликались къ различнымъ и разнообразнымъ запросамъ, съ которыми обращались къ земству. Многократно Управа. Несмотря на обширнѣйшую Вашу дѣятельность, мы находили время отвѣчать и на эти запросы, понимая глубокую важность ихъ для земства. Глубокоуважаемый Тимофѣй Петровичъ! Не нахожу словъ выразить Вамъ насколько благодарно Вамъ Владимирское земство за Вашу многочисленную, полезную и разнообразную дѣятельность.

Членъ училищнаго совѣта церковно-приходскихъ школъ г. Владимиръ сказалъ слѣдующее:

„Позвольте привѣтствовать Васъ, Тимофѣй Петровичъ, и отъ имени совѣта церковно-приходскихъ училищъ. Дѣятельность церковно-приходскихъ школы такъ близка, что сегодняшнее торжество одного изъ училищъ земской школы является торжествомъ и нашимъ. Примите же, юбиляръ, мои привѣтствія, и да поможетъ Вамъ Богъ въ Вашемъ трудѣ.“

Послѣ рѣчей дѣти Тимофѣя Петровича поднесли свои подарки. Старшій сынъ его сказалъ слѣдующее:

Семья Тимофѣевыхъ.

Дорогой отецъ!

Мы, твои дѣти, съ сердечной радостію взирая на увѣнчаніе твоей пятидесятилѣтней дѣятельности, которой мы всегда удивлялись и сочувствовали, рѣшили поднести тебѣ нераздѣльно, отъ всѣхъ трехъ, три подарка:

Отецъ! Ты всегда поступалъ по заповѣди Божіей: „Возлюби ближняго твоего, какъ самого себя“ и „поучался закону Божію день и ночь,“ но не имѣлъ въ дому книги, въ которой даны заповѣди Божіи, мы даримъ тебѣ сію священную книгу „Библию“, дабы ты на склонѣ дней своихъ имѣлъ въ ней утѣшеніе.

Въ теченіе почти пятидесяти лѣтъ ты имѣлъ единственную помощницу и совѣтницу нашу мать, а твою жену Елизавету Ивановну, мы даримъ тебѣ ея портретъ, дабы, взирая на него, ты помнилъ, что она и тамъ, гдѣ теперь, ходатайствуетъ предъ Престоломъ Всевышняго за всѣхъ насъ!

Третій подарокъ посохъ; онъ тебѣ, отецъ, еще не нуженъ, но пусть онъ символически изображаетъ, что ты, отецъ, можешь опереться въ дни своей старости, какъ и всегда, на насъ твоихъ троихъ дѣтей нераздѣльно!

Кавказскіе родственники Тимофѣя Петровича поднесли ему фотографическіе портреты всѣхъ кавказскихъ носителей фамилии Тимофеевскихъ. Племянникъ Тимофѣя Петровича сказалъ при этомъ:

Дорогой дядя! Отъ лица всѣхъ Кавказцевъ, любящихъ Васъ, я, младшій изъ нихъ, поздравляю съ днемъ пятидесятилѣтняго юбилея и желаю Вамъ всего... всего..., а наипаче здоровья и силъ. Не мнѣ говорить о Вашихъ подвигахъ, совершенныхъ Вами въ продолженіе столь многихъ лѣтъ, ибо о нихъ многіе и многое говорили, всего же никто не могъ сказать.

Портреты, подносимые мною, пусть послужатъ всегдашнимъ напоминаніемъ дорогихъ для Васъ лицъ, живущихъ далеко, далеко на югѣ.

Внучка Тимофѣя Петровича поднесла дѣду вышитую своими руками скатерть.

Началось чтеніе писемъ отъ лицъ, не имѣвшихъ возможности лично привѣтствовать юбиляра. Первымъ былъ прочитанъ слѣдующій адресъ отъ брата юбиляра, Евфимія Петровича Тимофеевскаго.

Дорогой братъ мой и другъ дѣтства моего, Тимофѣй Петровичъ.

Съ сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія началось твое и мое ученіе въ духовномъ училищѣ. Тяжело давалось намъ принудительное долбленіе синтаксисовъ латинскаго и греческаго языковъ, слезами поливали мы Корнелія Непота и такъ называемыя версіи съ латинскаго и греческаго языковъ на языкъ русскій родной.

Голодовки безъ обѣдовъ, стояніе по пѣлымъ часамъ на колѣняхъ въ классѣ, розги, потылицы съ заушеніями и прочія нечеловѣческія наказанія въ чрезмѣрномъ обиліи испытывались нами въ то горемычное время. Но ты отъ природы былъ одаренъ большей, чѣмъ я, энергіей и упругостью воли, а потому послѣ одного истязанія ты вырвался изъ рукъ палачей и въ ту же минуту, помню, сказалъ своимъ немилымъ педагогамъ: «ваше ученіе тьма, господа, а мое неученіе свѣтъ!» Затѣмъ и въ тотъ же часъ ты бросилъ школу мачеху и больше къ ней не возвращался. Этотъ приговоръ твой былъ брошенъ тобой въ лице школы въ 1850 году.

Время показало, что знаменитыя слова твои были прорѣченіемъ, если не пророчествомъ въ собственномъ смыслѣ слова.

Въ 1852 году ты въ селѣ Жереховѣ открылъ въ своемъ убогомъ домикѣ школу для дѣтей народа, ты сразу и тогда же доказалъ сердечную любовь къ просвѣщенію дѣтей, жаждавшихъ грамоты. Затѣмъ пятьдесятъ лѣтъ непрерывно учительствовалъ ты... легко сказать и легко слушать сказаніе объ этомъ твоёмъ, братъ, подвигѣ! И... если ты въ каждый годъ ограмочивалъ по двадцати только мальчиковъ, и тогда выйдетъ общее число грамотныхъ въ 1000 человекъ, пущенныхъ въ жизнь изъ подъ твоей учительской опеки, а если прибавить къ сказанному, что цѣлый рядъ поколѣній твоихъ же питомцевъ перенималъ отъ тебя и укладывалъ въ сердца свои твою же любовь къ вѣрѣ православной, къ чести и долгу гражданскому и любовь къ труду, къ отечеству и къ Царямъ русскаго государства, ту любовь, которою питалось твое собственное сердце и дышетъ оно понынѣ... то слову моему тутъ будетъ конецъ...

Твой трудъ праведенъ да оцѣнитъ единъ только Господь Богъ своимъ мѣриломъ правды и нелицепріятной истины, Ему же честь и слава во вѣки. Аминь.

О. Діакону села Ваганова, Владимирской губерніи и уѣзда, Тимофѣю Петровичу Тимофеевскому, въ день юбилея его учительства, 8 іюля 1902 г. Отъ брата, кавказскаго священника, Евфимія Петровича Тимофеевскаго.

Были прочтены слѣдующія письма:

Дорогой мой Дядюшка и патріархъ въ родѣ Тимофеевскихъ,

Твой родной ликъ, украшающій мою храмину, былъ и будетъ для меня безцѣннымъ живительнымъ напоминаніемъ о томъ внутреннемъ состояніи, въ коемъ восклицаютъ: «Живъ Господь, жива душа моя!»

Въ жизни-борьбѣ столько горя, страданій, неудачъ рядомъ съ отрадой, наслажденіемъ и успѣхомъ. Бываетъ, что въ минуты ослабленія отъ борьбы силъ опускаются руки, не работаетъ мозгъ, слабо вибрируетъ сердце, падаетъ энергія. Тогда я взглядываю на твое лице и... вылѣчиваюсь.

Да, вылѣчиваюсь! Ты жилъ, добивался, терпѣлъ и побѣждал!

А жить и побѣждать во имя лучшихъ стремленій—великое дѣло.

Не только въ жизни, но и въ литературныхъ писаніяхъ я не нахожу для себя другого образца. Важна прежде всего сила.

Итакъ, да живетъ та сила, которая въ теченіе полвѣка, воплотившись въ дядѣ Тимофѣѣ, давала въ жизнь столько энергіи, труда, бодрости и пользы!

Крѣпко жму твою, дядя, руку и сладостно лобызая тебя.

В. Скворцовъ.

Глубокоуважаемый дядюшка!

Не имѣя возможности лично привѣтствовать Васъ, съ знаменательнымъ для Васъ днемъ пятидесятилѣтняго служенія на поприщѣ образованія нашего русскаго юношества,—мы выражаемъ Вамъ это привѣтствіе настоящимъ письмомъ. вмѣстѣ съ тѣмъ желаемъ Вамъ еще много, много лѣтъ—«сѣять разумное, доброе, вѣчное», чтобы еще разъ могъ сказать Вамъ «Спасибо сердечное русскій народъ.»

Искренно уважающіе Васъ М. и А. Филипповы.

Дорогой отецъ Діаконъ, Тимофѣй Петровичъ!

Сыновне крѣпко цѣлую Васъ и сердечно поздравляю съ знаменательнымъ юбилеемъ пятидесятилѣтняго служенія на пользу церкви и отечества. Очень радъ, что считаюсь въ числѣ вашихъ почитателей, духомъ своимъ присутствую у Васъ на праздникѣ и раздѣляю Вашу радость. Жалѣю о томъ, что имѣлъ мало возможности быть съ Вами и поучаться отъ сокровищницы Вашего ума и опыта.

Посылая свой сердечный привѣтъ, позволяю себѣ пожелать Вамъ еще долго, долго трудиться въ полномъ здоровьѣ на данномъ Вамъ отъ Бога поприщѣ и сказать: «сѣйте разумное, доброе, вѣчное; сѣйте, спасибо Вамъ скажетъ сердечное русскій народъ!»

Господь же богатый своею милостію, да воздастъ Вамъ за пятидесятилѣтній многотрудный подвигъ.

Вашъ искренній почитатель, священникъ Сергѣй Косминъ.

Сл. Бѣловодскъ, Харьковской губ.

Дорогой учитель, отецъ діаконъ, Тимофѣй Петровичъ!

Покорнѣйше прошу Васъ принять мой сердечный привѣтъ по случаю пятидесятилѣтія Вашихъ плодотворныхъ трудовъ, вмѣстѣ съ которымъ искренне желаю Вамъ еще много лѣтъ въ добромъ здоровьѣ и полномъ благополучіи подвизаться на славномъ Вашемъ поприщѣ на пользу св. Православной церкви и дорогого нашего отечества! Дай Богъ, чтобы еще многія поколѣнія назидались Вашимъ высокопоучительнымъ образомъ безподобнаго трудолюбія и примѣрнаго благочестія, какъ главными спутниками въ жизни сей.

Горячо желалъ быть вмѣстѣ съ Вами въ этотъ день, но служебныя обязанности (8-ое здѣсь не празднуется) лишаютъ возможности исполнить свое желаніе, а потому покорнѣйше прошу Васъ простить мнѣ мое невольное отсутствіе.

Примите же, мой дорогой учитель, мой привѣтъ и мои искреннія, сердечныя пожеланія, вмѣстѣ съ которыми пребываю глубоко уважающій Васъ и всегда Вамъ благодарный. Вашъ ученикъ выпуска 1873 г.

Александръ Антоновъ Разуваевъ.

Почтеннѣйшій о. діаконъ, Тимофѣй Петровичъ!

Благодать Божія, почивающая на Васъ въ продолженіе пятидесятилѣтняго Вашего служенія церкви Божіей и дѣлу народнаго образованія, да почіетъ на Васъ сугубо во вся дни живота Вашего, о чемъ я сегодня возносилъ за божественной литургіей свои грѣшныя молитвы Царицѣ небесной. Искренно сожалѣю, что не могу, по обстоятельствамъ, раздѣлить съ Вами Вашу радость и присутствовать на Вашемъ торжествѣ.

Съ почтеніемъ къ Вамъ остаюсь села Бабаева іерей

Василій Преображенскій.

Дорогой дядюшка Тимофѣй Петрович!

Милость Божія буди съ тобою!

Приглашеніе Ваше на пятидесятилѣтній юбилей я получилъ и думалъ лично быть у Васъ въ Вагановѣ 8-го іюля, но по случаю выдачи замужъ дочери и другимъ семейнымъ обстоятельствамъ никакъ не могу лично быть. А потому заочно поздравляю Васъ, дорогой дядюшка, съ исполненнымъ пятидесятилѣтіемъ твоего благополднаго и полезнаго служенія въ должности учителя крестьянскихъ дѣтей; радуюся милосердію Божію къ тебѣ, удостоившему тебя такой великой милости, которая выпадаетъ на долю немногихъ. Благодаря только твоему здоровому свѣтлому уму, энергіи, можно устроить такое великолѣпное училище, какое тобою устроено въ селѣ Вагановѣ. Дѣятельность твоя не осталась, да, думаю, и не останется безъ вниманія со стороны начальства, почему и за прежніе годы грудь твоя украшена разными знаками отличія. Какъ племянникъ Вашъ усердно молю Бога и Матерь Божію, да подкрѣпятъ старческія силы твои въ остальномъ теченіи жизни твоей, склоняющейся уже къ вечеру, и да благословитъ Господь дальнѣйшіе труды твои до тѣхъ поръ, пока сердце бьется въ груди твоей, пока кровь течетъ въ жилахъ твоихъ. Да, дорогой дядюшка, 50 лѣтъ учительской дѣятельности, это можно сказать что-то чрезвычайное, рѣдкое, небывалое по селамъ нашимъ. Если 80 и 70 лѣтъ жизни вообще считаются проявленіемъ особенной милости Божіей къ достигшему такого возраста, то, въ связи съ пятидесятилѣтіемъ учебной дѣятельности, такіа лѣта есть свидѣтельство сугубаго благословенія Божьяго.

Любящіе Васъ іереи Сергій и Алек. Смирновы.

Ко времени чествованія были получены слѣдующія телеграммы:

Поздравляю, дорогой дядя, съ днемъ юбилея плодотворной, истинно подвижнической дѣятельности. Привѣтъ сородичамъ.

Томскъ.

Тимофеевскій.

Поздравляю съ замѣчательнымъ торжествомъ! Помогите Богъ, еще потрудиться на поприщѣ дѣятельности священнослужительской и учительской. Роднымъ привѣтъ.

Гороховецъ.

Священникъ Леонтій Троицкій.

Искренно поздравляемъ съ знаменательнымъ днемъ просвѣтительной дѣятельности, желаемъ многія лѣта.

Петербургъ.

Семья Несторъ.

Шлемъ сердечное поздравленіе, лучшія пожеланія маститому, уважаемому юбиляру.

Старобѣльскъ.

Екатерина, Юлія, Николай, Марія Насѣдкины.

Поздравляемъ достойнѣйшаго юбиляра съ великимъ торжествомъ.

Старобѣльскъ.

Священники Николай Григоровичъ, Александръ Ивановъ.

Лазаретъ поздравляетъ съ юбилеемъ.

Бѣловодскъ.

Служащіе лазарета.

Привѣтствую подвигомъ добрымъ подвизавшагося старца! Молю Бога сохранить Ваши силы для продолженія полезнаго труда.

Бѣгородъ.

Директоръ Бѣляевъ.

Позвольте просить принять поздравленія съ днемъ 50-ти лѣтняго юбилея Вашей дѣятельности на благо церкви и народнаго образованія. Дай Богъ Вамъ здоровья на многія лѣта!

Бѣловодскъ.

Чернявскій.

Привѣтствуемъ сердечно взысканнаго милостію Божіею юбиляра, желаемъ спокойныхъ дней и многія лѣта. Я и жена пьемъ Ваше здоровье.

Краморская.

Благочинный Базилевичъ.

Поздравляю, желаю здоровья, дальнѣйшей дѣятельности.

Бѣловодскъ.

Москвичевъ.

Заочно чествуемъ дорогого юбиляра, моля Бога продлить полезную жизнь многія лѣта.

Старобѣльскъ.

Голодолинскіе.

Служу молебень за Ваше дорогое здоровье, да поможетъ Вамъ Господь своею силою еще прожить многіе годы. Не знаю, какъ выразить свою душевную радость, что можно указать: вотъ человѣкъ безъ богатства, знатности и славы, живетъ, какъ пчела Божія: что можетъ быть выше? Многое хочу

сказать, но не въ силахъ: сердце переполнено радостію. Да поможетъ Вамъ Господь, пожить еще для назиданія другимъ, послужить еще, какъ образецъ! Молюсь и плачу, и радуюсь... Очень хотѣлось прислать Вамъ икону, но я не успѣла ее выслать. Очень скорблю объ этомъ. Но въ драгоценную память Вашу поставлю въ лазаретъ Вашего сына, въ столовую, икону Вашего Ангела, чтобы любовались ею многіе и, вспоминая Васъ, стыдились за себя. Какъ жаль мнѣ, что не могу лично поздравить Васъ. Была бы счастлива позаимствовать у Васъ Вашего бодрого духа.

Бѣловодскъ.

Полковница Чебышева.

Послѣ прочтенія привѣтственныхъ писемъ и телеграммъ юбиляру была поднесена икона Старобѣльскимъ купцомъ Иваномъ Дмитріевичемъ Выставкинымъ, прибывшимъ на торжество изъ Харьковской губерніи, и затѣмъ всѣ, почтившіе своимъ присутствіемъ юбилей, были приглашены раздѣлить семейную трапезу. За обѣдомъ были получены еще слѣдующія телеграммы:

Честь и слава юбиляру,
Поздравленье принося,
Здѣсь въ Украинѣ съ пѣннымъ чару
Пью за свата дидуса!

Евсугъ.

Насѣдкинъ.

Отъ подножія сѣдова Кавказа шлю сердечный привѣтъ дорогому дядѣ Володимирцу въ день его полувѣкового юбилея. Я возношу пламенную молитву Всевышнему, да продлитъ онъ Вашу добрую старость еще на многія лѣта и исполнитъ наше душевное желаніе еще и еще видѣть Васъ. Глубоко скорблю, что служебныя и семейныя обстоятельства лишили меня радости видѣть Васъ и дорогихъ родныхъ, но ничто не можетъ связать моего духа, который нынѣ съ Вами. Ура, маститый юбиляръ! Многія лѣта!

Егорлыкъ.

Священникъ Василій Тимофеевскій.

Въ концѣ обѣда, за шампанскимъ, Г. Малиновскій передалъ привѣтствіе юбиляру отъ лица г. Уѣзднаго Предводителя дворянства и Предсѣдателя уѣздной Земской Управы. Согласно мѣстному обычаю провозглашено было многолѣтіе Государю Императору, Преосвященному Сергію, Юбиляру и всѣмъ присутствовавшимъ.

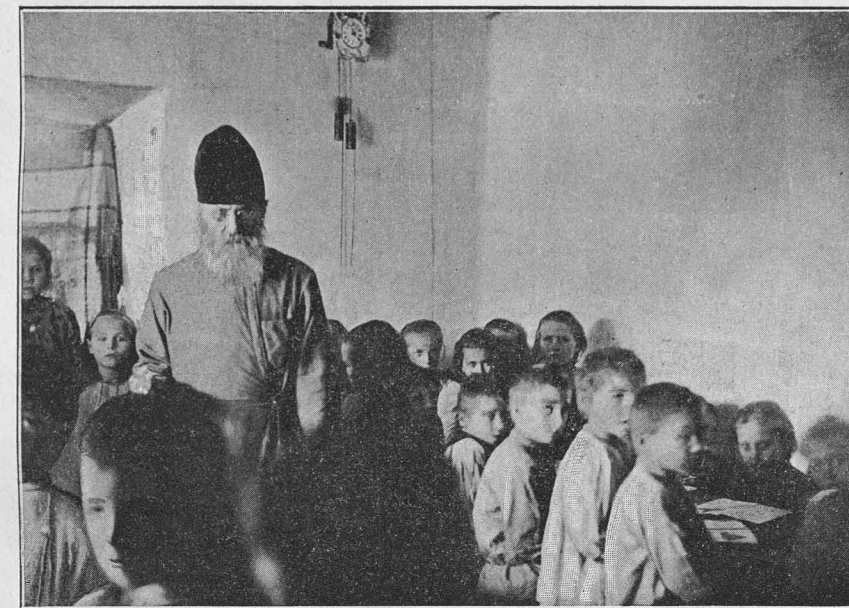
Закончивъ 50-й годъ служенія, Тимофѣй Петровичъ рѣшилъ предоставить свое поприще болѣе молодымъ силамъ. Онъ передалъ зданіе школы Владимірскому Губернскому Училищному Совѣту, вышелъ въ заштатъ и уѣхалъ дожидаться на покоѣ свои дни къ старшему сыну въ слободу Бѣловодскъ Харьковской губерніи.

Онъ теперь отдыхаетъ.

Вотъ отрывокъ изъ письма:

«Теперь дѣдъ открылъ школу грамоты въ Бѣловодскѣ, гдѣ у него уже до 50 учениковъ, и работаетъ, какъ юноша, съ восторгомъ. Тѣснота въ школѣ невѣроятная — дышать нечѣмъ. — Но, говоритъ: «не изжену вонъ приходящаго ко мнѣ» и все принимаетъ учениковъ и ученицъ. Должно быть скоро будетъ учить въ окошко съ улицы; большаго помѣщенія не нашлось въ нашемъ краѣ. Вечеромъ плететъ сѣтъ для ловли рыбъ, а пока тепло было, рылъ ямы подъ виноградникъ, который хочетъ развести у насъ»...

Всякъ по своему понимаетъ отдыхъ.

ГПБ Русский фонд

38.24.1.2.